

Бонни
Макбёрд

НОВЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА

ИСКУССТВО В КРОВИ

Мрачный
и стильный роман,
с гениальным
сюжетом.
WALL STREET JOURNAL

Бонни Макбёрд
Искусство в крови: новое
дело Шерлока Холмса
Серия «Новые приключения
Шерлока Холмса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73558958

Искусство в крови . Новое дело Шерлока Холмса:

ISBN 978-5-222-47298-9

Аннотация

Лондон. Снежный декабрь 1888 года. 34-летний Шерлок Холмс тяжело переживает свой провал в деле о поимке Джека Потрошителя. Однако его уныние длится недолго: зашифрованное письмо из Франции заставляет великого сыщика и его верного спутника доктора Ватсона срочно мчаться в Париж... Блестящий роман Бонни Макбёрд, написанный в лучших традициях Конан Дойла, захватывает читателя с первых страниц.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Из мрака	7
Глава 1. Возгорание	7
Глава 2. В дороге	23
Часть вторая. Город света	30
Глава 3. Мы встречаемся с нашей клиенткой	30
Глава 4. В Лувре	48
Глава 5. Les Oeufs[23]	59
Глава 6. «Ша Нуар»	61
Часть третья. Линии проведены	70
Глава 7. Напали!	70
Глава 8. Скользящий склон	81
Глава 9. L'Artiste en Danger[35]	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Бонни Макбёрд
Искусство в крови. Новое
дело Шерлока Холмса

BONNIE MACBIRD

Art in The Blood

Copyright © 2015, Bonnie MacBird

© ООО «Феникс», оформление, 2025

Литературно-художественное издание

* * *

Алану посвящается

Пролог

Во время олимпийского лета 2012 года, изучая в библиотеке «Велкам» труды Викторианской эпохи в области медицины, я случайно сделала поразительное открытие, оказавшее значительное влияние на мою жизнь. Я заказала несколько довольно старых книг, и мне принесли небольшую подборку старинных томов, отдельные страницы которых были настолько хрупкими, что их скрепляли тонкие льняные ленты.

Развязав папку с самой большой работой – трактатом об употреблении кокаина, – я обнаружила под ним пачку сложенных пополам пожелтевших листков.

Я осторожно разворачивала найденные страницы и раскладывала их перед собой. Почерк казался странно знакомым. Видела ли я его раньше? На титульном листе заказанной книги выцветшими чернилами было написано имя первого владельца: доктор Джон Х. Ватсон.

А на ветхих листках оказалось неопубликованное приключение его друга Шерлока Холмса, описанное всё тем же доктором Ватсоном. Но почему же рассказ уже давно не напечатали вместе с другими? Возможно, причина кроется в том, что эта история, более длинная и, пожалуй, более подробная, чем большинство других историй о приключениях Шерлока Холмса, раскрывает уязвимую черту в характере

ре его друга, которая могла бы поставить под угрозу репутацию Холмса, если бы ее опубликовали во времена, когда он активно занимался своей деятельностью. Или, прочитав рассказ, Холмс просто запретил его публикацию.

Существовал и третий вариант: доктор Ватсон по рассеянности сложил рукопись и по неизвестным причинам привязал ее к задней обложке этой книги. Затем он либо забыл о своих заметках, либо потерял книгу. И вот я хочу поделиться с вами этой историей, но со следующей оговоркой.

Со временем, из-за влажности и выцветания чернил, некоторые части текста оказались утраченными, и я решила восстановить эти фрагменты. Поэтому, если вы заметите стилистические ошибки или исторические неточности, спишите их на мою неспособность заполнить неразборчивые места.

Надеюсь, вы разделяете мой энтузиазм. Как недавно сказал себе и всем коллегам – обожателям творчества Конан Дойла Николас Мейер, первооткрыватель «7% раствора», «Вест-Эндского ужаса» и «Дрессировщика канареек», «мы никогда не сможем насытиться!».

Возможно, есть и другие истории, которые еще предстоит найти. Давайте продолжим поиски. А пока устраивайтесь у камина и наслаждайтесь этим приключением.

Часть первая. Из мрака

У меня есть честолюбивая цель – умереть от истощения, а не от скуки.

Томас Карлайл

Глава 1. Возгорание

Мой дорогой друг Шерлок Холмс однажды сказал: «Искусство в крови может принимать самые странные формы». Так было и с ним. В своих рассказах о приключениях, которые выпали на нашу долю, я не раз упоминал его игру на скрипке и мастерские перевоплощения, но у его артистизма, полагаю, были и более серьезные последствия: он стал фундаментом выдающегося успеха Холмса в качестве детектива номер один в мире.

Я не хотел распространяться об артистической натуре Холмса, чтобы не выдавать его слабую сторону, что могло бы подвергнуть его опасности. Расплачиваясь за свои провидческие способности, люди искусства часто страдают крайней чувствительностью и резкими перепадами настроения. Философский кризис или просто скука бездействия погружали Холмса в парализующий мрак, из которого даже мне не удалось вывести его.

В таком состоянии я и застал своего друга в конце ноября 1888 года.

Окутанный снегом Лондон еще не оправился от серии жутких убийств Потрошителя. Хотя именно сейчас насильственные преступления меня интересовали мало. Ранее в этом году я женился на Мэри Морстен. Наше уютное гнездышко находилось на некотором расстоянии от квартиры на Бейкер-стрит, которую мы с Холмсом делили до того.

Однажды поздним вечером, когда я, довольный жизнью, читал у камина, запыхавшийся посыльный принес записку. В ней говорилось:

«Доктор Ватсон, он поджег 221Б! Приезжайте немедленно!»

Миссис Хадсон».

Через несколько секунд я уже мчался в кэбе в сторону Бейкер-стрит. На каждом повороте за угол я чувствовал, как колеса проскальзывают в налипшем снегу и кэб опасно кренится. И все-таки я постучал по крыше:

– Кэбмен, быстрее, пожалуйста! – крикнул я.

Нас буквально вынесло на Бейкер-стрит, и я увидел пожарную машину и нескольких пожарных, выходявших из нашего дома. Выскочив из кэба, я бросился к двери.

– Пожар! – закричал я. – Все живы?

Молодой пожарный обратил на меня удивленный взгляд сияющих глаз на почерневшем от дыма лице.

– Да потушили уже. С хозяйкой все в порядке. А вот на-

счет джентльмена не уверен.

Оттолкнув своего подчиненного в сторону, капитан пожарной команды занял его место.

– Вы знаете человека, который здесь живет? – спросил он.

– Да, довольно хорошо. Я его друг. – Капитан с любопытством посмотрел на меня. – И его врач.

– Тогда отправляйтесь наверх и присмотрите за ним. Что-то здесь нечисто. Это был не пожар.

Слава Богу, Холмс жив! Протиснувшись мимо них, я вошел в прихожую и тут же заметил крайне расстроенную миссис Хадсон. Никогда раньше я не видел эту милую даму в таком состоянии.

– Доктор! О, доктор! – воскликнула она. – Как хорошо, что вы пришли! Последние дни и так все было ужасно, а теперь вот это! – В ее ярко-голубых глазах блестели слезы.

– Как он там?

– От пожара он не пострадал, да. Но творится нечто ужасное... С тех пор, как он побывал в тюрьме! У него синяки. Он не хочет говорить и отказывается есть.

– В тюрьме?! Как он попал в... Нет, подождите, расскажете позже.

Проскочив семнадцать знакомых ступенек, я перевел дух у двери в нашу гостиную и громко постучал. Ответа не последовало.

– Входите же! – крикнула снизу миссис Хадсон. – Ну же, идите!

Я распахнул дверь.

На меня обрушился шквал холодного воздуха с запахом дыма и гари. В знакомой комнате недавно выпавший снег приглушал звуки экипажей и шагов на улице почти до полной тишины. В одном углу валялась почерневшая и мокрая корзина для бумаг, рядом на полу – обгоревший листок бумаги. Еще пострадал небольшой участок шторы, и теперь он тоже был мокрым.

А потом я увидел его...

С растрепанными волосами, пепельно-серым от недосыпа и недоедания лицом, откровенно говоря, он выглядел так, будто был при смерти. В поношенном фиолетовом халате, Холмс лежал, дрожа, на диване. Старенькое красное одеяло сбилось в комок у него в ногах. Быстрым движением он натянул его на себя, закрывая лицо.

В комнате пахло еще не выветрившейся едкой гарью вперемешку с застарелым запахом табачного дыма. Через распахнутое окно врывался ледяной воздух.

Я подошел к окну и закрыл его, тут же закашлявшись от зловония. Холмс не пошевелился.

По его позе и прерывистому дыханию я сразу понял, что он что-то принял, какое-то опьяняющее или стимулирующее средство. Меня захлестнула волна негодования, которая быстро сменилась чувством вины. С тех пор, как в последний раз я видел своего друга или разговаривал с ним, прошло уже несколько недель, в течение которых я наслаждался

семейной жизнью. Вообще-то не так давно Холмс предлагал, чтобы мы вместе сходили на концерт, но, наряду с семейными светскими визитами, я был занят тяжелобольным пациентом и забыл ответить ему.

– Итак, Холмс, – начал я, – этот пожар. Расскажите мне о нем.

Ответа не последовало.

– Насколько мне известно, вас ненадолго заключили в тюрьму. По какой причине? И почему вы не сообщили мне? Молчание.

– Холмс, я настаиваю, объясните же, наконец, что происходит! Да, я женился, но вы отлично знаете, что всегда можете позвать меня, если что-то вроде... когда... если вы... – Я умолк. Тишина. Меня охватило дурное предчувствие.

Я снял пальто и привычно повесил его на нашу вешалку, затем вернулся и встал около дивана.

– Мне нужно разобраться, что это был за пожар, – тихо сказал я.

Тонкая рука высунулась из-под потертого одеяла и неопределенно махнула.

– Несчастный случай.

В мгновение ока я схватил его руку и выдернул на свет. Как и говорила миссис Хадсон, ее покрывали синяки, на фоне которых выделялся один значительный порез. На внутренней стороне я увидел нечто более тревожное – следы от уколов. Кокаин.

– Господи! Холмс! Дайте я осмотрю вас. Почему вы оказались в тюрьме и что там произошло?

С неожиданной силой он вырвал руку и завернулся в одеяло. Снова тишина. Затем до меня донеслось:

– Ватсон, со мной все в порядке. Уйдите!

Я помедлил. Его поведение выходило за рамки плохого настроения, свидетелем которого время от времени мне нередко приходилось бывать в прошлом. Возникшее у меня чувство тревоги постепенно набирало силу.

Усевшись в кресло лицом к дивану, я поклялся, что никуда не уйду. На каминной полке тикали часы, минуты превратились в час, и мое беспокойство росло.

Через некоторое время миссис Хадсон принесла бутерброды, на которые Холмс не обратил никакого внимания. Она принялась вытирать шваброй воду, оставшуюся после тушения пожара, но он настойчиво попросил ее уйти.

Я вышел с ней на лестничную площадку и прикрыл за нами дверь.

– Почему он оказался в тюрьме?

– Не знаю, доктор, – ответила она. – Это как-то связано с делом Потрошителя. А мистера Холмса обвинили в фальсификации улики.

– Почему же вы сразу не сообщили мне? Или его брату? – В то время я мало знал о значительном влиянии на государственные дела Майкрофта, старшего брата Холмса, но интуитивно чувствовал, что тот мог бы помочь.

– Мистер Холмс никому ничего не сказал, он просто исчез! Не уверена, что всю ту неделю его брат знал об этом. Конечно, затем его сразу отпустили, но ущерб был нанесен.

Гораздо позже я узнал подробности того ужасного дела и дурного судебного разбирательства, через которое пришлось пройти моему другу. Однако я поклялся сохранить эти подробности в тайне и оставляю их на изучение историкам. Достаточно упомянуть, что мой друг пролил значительный свет на это дело, но некоторые лица в самых высоких кругах правительства сочли его выводы крайне нежелательными.

Но это совсем другая история. Я вернулся на свой дежурный пост около дивана, на котором лежал Холмс. Проходили часы, а я не мог ни разбудить его, ни разговорить, ни заставить поесть. Он оставался неподвижным и пребывал, как я понял, в опасной депрессии.

Утро перешло в полдень. Я поставил на журнальный столик рядом с ним чашку свежего чая и вдруг увидел незамеченное ранее смятое письмо. Стараясь не шуметь, я отогнул нижнюю половину листа и прочитал подпись: «Майкрофт Холмс».

Я расправил письмо и прочитал: «Приезжай немедленно. Дело Э.П. требует твоего безотлагательного и пристального внимания». Сложив листок, я убрал его в карман.

– Холмс, – обратился я к своему другу, – я взял на себя смелость...

– Сожгите это письмо, – раздался из укрытия под одеялом

пронзительный голос.

– Здесь слишком сыро, – в шутку возразил я. – Кто это Э.П.? Ваш брат пишет...

– Я же сказал, сожгите!

Снова погрузившись в себя, он больше не произнес ни звука, оставаясь совершенно неподвижным. Поскольку вечер близился к концу, я решил подежурить у дивана моего друга всю ночь. Поест Холмс – или упадет в обморок, – я буду рядом как его друг и его врач и окажу помощь. Мои намерения, несомненно, были достойными, но вскоре я просто заснул.

Проснувшись рано утром следующего дня, я обнаружил, что накрыт таким же красным одеялом, и вспомнил, что оно из бывшей моей комнаты. Миссис Хадсон стояла надо мной с чайным подносом, на краю которого лежало другое письмо – продолговатый розовый прямоугольник.

– Из Парижа, мистер Холмс! – сказала она, помахав перед ним письмом. Ответа не последовало.

Взглянув на Холмса и несъеденную вчерашнюю еду, она покачала головой и с беспокойством посмотрела на меня.

– Доктор, уже четыре дня, – прошептала она. – Сделайте же что-нибудь! – Она поставила поднос рядом со мной.

Помятая фигура на диване отмахнулась от нее худой рукой.

– Оставьте нас, миссис Хадсон! – раздраженно крикнул он. – Ватсон, дайте мне письмо.

Миссис Хадсон удалилась, бросив на меня ободряющий взгляд.

Я схватил с подноса письмо и убрал его подальше.

– Сначала надо поесть, – потребовал я.

С недовольным видом он вылез из своего кокона и сунул в рот печенье, поглядывая на меня, как сердитый ребенок.

Я взял письмо в руки и понюхал его. Наградой мне был запах необычно приятного парфюма, с нотками ванили и чего-то еще.

– Ах! – произнес я, изображая удовольствие, но Холмсу тут же удалось выхватить послание, и он немедленно выплюнул печенье. Тщательно осмотрев конверт, он разорвал его, извлек письмо и быстро прочитал письмо.

– Ха! Что вы скажете об этом письме, Ватсон? – Его пронизательные серые глаза затеняла усталость, и тем не менее в их глубине загорелся пока совсем слабый огонек любопытства. Хороший знак.

Забирая у него письмо, я заметил, что он бросил неуверенный взгляд на чайник. Я налил чашку чая и, добавив немного бренди, протянул ему.

– Пейте, – велел я.

На конверте из прекрасной бумаги, надписанном ярко-розовыми чернилами, стоял парижский почтовый штемпель со вчерашней датой. Также я заметил изящный почерк.

– Оно написано на французском, – заявил я, возвращая письмо. – И даже если это не так, его все равно трудно чи-

тать. Вот.

В нетерпении он схватил письмо и объявил:

– Писала определенно женщина. Аромат, а-ах... цветочный, янтарный, с нотками ванили. Полагаю, это «Джики», новые духи от Герлена¹, которые пока не появились в продаже официально. Певица – потому что именно так она описывает свой род занятий, – скорее всего, неплохо преуспела или, по крайней мере, весьма восхитительна собой, раз ей подарили эти духи до их выпуска.

Холмс подвинулся поближе к камину, где освещение было получше, и принялся читать с театральностью, которой я иногда наслаждаюсь, а иногда просто терплю ее. Свободное владение французским облегчало ему перевод.

– «Уважаемый мистер Холмс, – пишет она, – ваша репутация и недавнее признание ваших заслуг со стороны правительства моей страны побудили меня обратиться к вам с этой необычной просьбой. Я прошу вашей помощи в сугубо личном деле. Я выступаю с концертами в Париже, и поэтому у вас, пожалуй, есть основания считать меня представительницей низшей «касты», – каста, странный выбор слова для певицы, – и все равно прошу рассмотреть мою просьбу и пойти мне навстречу». Гм, не могу читать дальше: чернила очень бледные!

Холмс поднес письмо к газовой лампе над нашим ками-

¹ Дом парфюмерии, основанный Пьером Франсуа Паскалем Герленом в 1828 году. – *Примеч. пер.*

ном. Я заметил, что его рука дрожала, и весь он выглядел неуверенным. Я встал у него за спиной, чтобы дочитать письмо через его плечо.

– Она продолжает: «Я пишу по делу величайшей срочности, оно касается человека, занимающего в вашей стране высокое положение, отца моего сына...» Здесь леди вычеркнула имя, но я понял, что это... Какого дьявола?

Поднеся исписанный листок ближе к свету, Холмс озадаченно нахмурился. С письмом происходило нечто любопытное. Чернила на бумаге быстро выцветали, что заметил даже я, стоя позади него.

Холмс вскрикнул и тут же сунул письмо под подушку на диване. Мы подождали несколько секунд, затем он вытащил листок. Совершенно пустой.

– Проклятье! – выругался Холмс.

– Надо же, исчезающие чернила! – воскликнул я, но тут же замолчал под его косым взглядом. – Отец ее сына? Вы разобрали имя этой важной персоны?

– Разумеется, разобрал. – Холмс буквально замер на месте. – Граф Пеллингем.

Я в изумлении откинулся на спинку кресла. Пеллингем – один из богатейших пэров Англии. Его щедрость и огромная власть в Палате лордов, не говоря уж о его репутации щедрого мецената и коллекционера произведений искусства, сделали его имя почти нарицательным.

И вот французская певичка из кабаре заявляет о своей

связи с этой известной персоной.

– Холмс, каковы шансы, что заявление этой леди – правда?

– На первый взгляд, оно может показаться нелепым. Но, возможно... – Он перешел к своему захламленному столу и поместил листок под яркую лампу.

– Но почему исчезающие чернила?

– Не хотела, чтобы письмо с именем этого джентльмена попало в чужие руки. Говорят, у графа большие связи. Но, по-моему, она рассказала нам не все... – И он принялся рассматривать письмо через увеличительное стекло. – Какие любопытные царапины! – Он понюхал страницу. – Проклятые духи! Сквозь них я улавливаю едва заметный запах... Подождите! – Он перебрал несколько стеклянных бутылочек из своей коллекции химических реактивов. Достав одну, он принялся наносить на страницу маленькими мазками жидкость из нее, бормоча под нос, когда так делал. – Должно быть что-то еще.

Я знал, что за работой его лучше не беспокоить, и вернулся к газете, которую читал. Вскоре торжествующий крик вырвал меня из дремотной задумчивости.

– Ха! Все как я и предполагал, Ватсон. Письмо, которое исчезло, было только частью послания. Я обнаружил под ним второе, написанное невидимыми чернилами. Действительно умно – двойное применение стеганографии!

– Но как?!

– На странице были небольшие царапины, не совпадавшие с текстом, который мы видели. И слабый запах картошки. Леди использовала другие чернила, они проявляются только под воздействием реагента, в данном случае йода.

– Холмс, вы меня поражаете. Что там написано?

«Дорогой мистер Холмс, пишу Вам, всецело охваченная паникой и ужасом. Из осторожности, я не хочу, чтобы письмо с именем отца мальчика сохранилось. Если Вы так проницательны, как о Вас говорят, Вы обнаружите второе письмо. Тогда я пойму, что Вы именно тот человек, который поможет мне.

Я пишу Вам, потому что мой маленький сын Эмиль, десяти лет от роду, исчез из поместья неназванного. Боюсь, его похитили или что-то похуже. До недавнего времени Эмиль жил с этим человеком и его женой в сложных условиях, о которых я хотела бы сообщить вам лично.

Мне разрешали видеться с ним только раз в год, на Рождество. Для этого совершенно тайного свидания я приезжала в Лондон и должна была неуклонно следовать переданным мне указаниям.

Неделю назад я получила письмо, в котором говорилось, что наше свидание, которое должно было состояться через три недели, теперь отменяется и я не увижу своего мальчика ни в это Рождество, ни еще когда-либо. Мне приказали принять это известие под страхом смерти. Я сразу же отправила телеграмму, и на другой день, на улице, на меня

напал какой-то хулиган, повалил на землю и предупредил, чтобы я держалась подальше.

И это, мистер Холмс, еще не всё. Боюсь, что вокруг меня затягивается странная сеть. Могу ли я навестить вас в Лондоне на следующей неделе? Во имя гуманности и справедливости, умоляю Вас взяться за мое дело. Пожалуйста, отправьте мне свой ответ телеграфом, за подписью мистера Хью Баррингтона, продюсера „Лондонского варьете“.

Искренне Ваша, Эмелин „Шери“ Ла Виктуар».

Сжимая в зубах холодную трубку, Холмс молчал, размышляя. В его усталых чертах появился намек на оживление.

– Ватсон, что вы думаете об этой «странной сети»?

– Понятия не имею. Она творческий человек. Может, немного сгустила краски? – предположил я.

– А по-моему, нет. Ее письмо демонстрирует живой ум и тщательное планирование.

Внезапно он решительно постучал трубкой по странице и, взглянув на часы, поднялся. Его глаза горели.

– Мы как раз успеваем на последний паром из Дувра. Собирайтесь, Ватсон, менее чем через полтора часа мы отправляемся на континент. – Он подошел к двери и крикнул вниз:

– Миссис Хадсон!

– Но леди пишет, что сама приедет сюда на следующей неделе.

– На следующей неделе ее, возможно, уже не будет в жи-

вых. Как бы эта молодая женщина ни была обеспокоена, похоже, она недооценивает опасность, которой противостоит. Объясню по дороге.

С этими словами он снова бросился к двери и крикнул:

– Миссис Хадсон! Наши дорожные саквояжи!

– Холмс! – воскликнул я. – Холмс! Вы забываете! Мой саквояж в другом месте. У меня дома!

Но он уже вышел из комнаты и исчез в своей спальне. Я задался вопросом, работал ли его мозг вообще, если он упустил из виду такую очевидную деталь. Достаточно ли он здоров для...?

Вскочив с кресла, я откинул с дивана одеяло. Под одной из подушек я нашел спрятанный кокаин и шприц для подкожных инъекций. Мое сердце упало.

В дверях появился Холмс.

– Пожалуйста, передайте мои извинения миссис Ватсон и возьмите свои вещи...

Увидев у меня в руке флакон и шприц, он замолчал.

– Холмс! Вы же пообещали мне, что с этим покончено.

Тень стыда скользнула по его лицу с гордым профилем.

– Я... Ватсон, боюсь, вы мне нужны. – Последовала небольшая пауза. – Я имею в виду, в этой поездке. Я могу надеяться, что сейчас вы не заняты?

Слова повисли в воздухе. В дверном проеме вырисовывался его худощавый силуэт: Холмс был готов и почти дрожал от возбуждения, хотя, возможно, и от наркотика. Я по-

смотрел на шприц, который все еще держал в руке. Ну как отпустить его одного в таком состоянии?!

– Холмс, вы должны пообещать...

– Больше никакого кокаина.

– Нет, на этот раз я серьезно. Я не смогу помочь вам, если вы сами себе не поможете.

Он кивнул один раз.

Я положил шприц обратно в футляр и убрал его вместе с кокаином в карман.

– Тогда вам повезло. Завтра Мэри уезжает за город навещать свою мать.

Холмс захлопал в ладоши как ребенок.

– Отлично, Ватсон, просто отлично! – воскликнул он. – «Чатем» отправляется в Дувр с вокзала Виктория через 45 минут. – Захватите револьвер! – С этими словами он снова исчез. Я помедлил. – И бутерброды! – донеслось сверху. Я улыбнулся. Холмс вернулся. И я тоже, не знаю уж, хорошо это или плохо.

Глава 2. В дороге

Заехав домой за вещами, я едва успел добраться до вокзала Виктория и вскочить в поезд, отбывающий в Дувр.

Человек, сидевший напротив меня в нашем купе на двоих, больше не был похож на того, кто всего лишь несколько часов назад изнывал на Бейкер-стрит, в доме 221Б. Чисто выбритый и даже элегантный в своем дорожном черно-сером костюме, переполненный вдохновением Холмс производил впечатление во всех мыслимых отношениях.

Его стремительное преобразование, несомненно, произошло всецело благодаря нашему новому делу, и никак не было связано с моей помощью, что, признаюсь, даже немного задевало меня. Однако я выбросил эти мысли из головы, решив довольствоваться тем, что мой друг снова приходит в себя, какова бы ни была тому причина.

С глазами, горящими от возбуждения, которое, как я надеялся, не перерастет в маниакальное, он принялся необычайно многословно объяснять нашу ситуацию.

– Двойное письмо представляет собой определенный интерес, как вы считаете, Ватсон? Ей пришлось назвать настоящее имя джентльмена, но принятые меры предосторожности очевидно означают, что она боится его. И меня заинтриговало именно второе сообщение.

– Похоже на то. Но откуда она знала, что вы обнаружи-

те его?

– Разумеется, тому способствовала моя репутация.

– Холмс, значит, я не зря писал «Этюд в багровых тонах»² и мое произведение оказалось в некотором смысле полезным?

– Вы забываете, что меня знают во Франции. Учитывая интерес леди к химии, я бы считал выбранный ею способ скрыть второе сообщение своего рода лакмусовой бумажкой.

В замешательстве я принялся чистить апельсин маленьким перочинным ножом.

– Признаю, трюк с двойными чернилами – умный ход. Но как насчет самого дела? Леди хотела приехать к вам. Зачем же тогда эта наша поспешная поездка в Париж?

Холмс озорно улыбнулся.

– Ватсон, разве вам никогда не хотелось отправиться в Париж? Покинуть мрачный Лондон ради Города Света³? Вы же

² «Этюд в багровых тонах» (англ. *A Study in Scarlet*) – детективная повесть Артура Конана Дойла, изданная в 1887 году. Именно в ней впервые появляется Шерлок Холмс.

³ В середине XVII в. французский престол занимал Людовик XIV, известный как Король-Солнце (*Roi Soleil*). После долгого периода войны и гражданских беспорядков король хотел восстановить веру парижан в закон и порядок. Одной из принятых мер стало усиление освещения города. Почти на всех главных улицах установили фонари, а жителей попросили держать у себя в окнах зажженные свечи и масляные лампы, чтобы правонарушители не могли скрыться от полиции в темных переулках, что позволило снизить уровень преступности. С этого времени город получил прозвище *La Ville-Lumière* (Город Света). – *Примеч. пер.*

не станете возражать против небольшого отпуска? Кстати, наверняка еще не видели любопытное строительство довольно грандиозной конструкции под названием La Tour Eiffel⁴, которое сейчас идет там полным ходом.

– Говорят, мерзость большая. И вы, Холмс, ведь путешествуете не для отдыха. Почему вы решили, что этой леди угрожает серьезная опасность?

– На мой взгляд, Ватсон, нападение на улице – это только верхушка айсберга. Меня беспокоит ее связь с графом. Мой брат считает, что этого человека окружает хорошо скрываемое темное облако насилия.

Внезапно меня озарило.

– Я понял, кто этот Э.П. из записки Майкрофта! Но Пеллингем известен только как уважаемый филантроп и *noblesse oblige*⁵.

– Так гласит история. Вы слышали о его коллекции произведений искусства?

– Да, насколько я помню, ее начал собирать еще его отец.

– Она легендарна, но в настоящее время ее держат в тайне. Вы в курсе, что на протяжении уже многих лет коллекцию никто не видел?

– Холмс, боюсь, я не разбираюсь в этих вопросах.

– Майкрофт подозревает графа в получения своих сокровищ не слишком щепетильным способом. В частности, есть

⁴ Эйфелева башня (франц.).

⁵ Образец благородства (лат.).

совсем свежий случай.

– Зачем человеку его положения рисковать репутацией – чтобы его заклеямили вором из-за каких-то украденных картин?

– Положение графа даже трудно себе представить. Благодаря своим связям он стал почти неуязвимым. Ватсон, он отталкивает от себя подозрения, как хорошо прорезиненный макинтош – воду; разумеется, вы понимаете, о чем я. А произведение искусства, о котором идет речь, – это скульптура, а не картина. И не просто абы какая скульптура, а марсельская Ника. Слышали о ней?

– Гм... греческая статуя, обнаруженная в этом году! Вроде с ней связано еще убийство...

– Точнее, четыре убийства. Статуя Ники считается самой грандиозной находкой со времен мраморов Элгина⁶ и, говорят, по красоте превосходит Крылатую Победу⁷. Невероятное произведение искусства в отличном состоянии. Оно бесценно. – Я предложил Холмсу дольку апельсина; он отмахнулся и с энтузиазмом продолжил свой рассказ: – На ее

⁶ Мраморы Элгина (англ. Elgin Marbles) – собрание шедевров древнегреческого искусства, в основном скульптур и рельефов Парфенона Афинского акрополя работы скульптора Фидия и его учеников (V в. до н. э.). Коллекция получила название по имени лорда Элгина, доставившего ее в Англию в начале XIX века. В настоящее время хранится в Британском музее в Лондоне. – *Примеч. пер.*

⁷ Речь идет о древнегреческой мраморной скульптуре богини Ники (Ника Самофракийская) (II в. до н. э.), найденной в 1863 году на острове Самотраки французским консулом и археологом-любителем Шарлем Шампуазо. Скульптура была отправлена во Францию и экспонируется в Лувре в Париже. – *Примеч. пер.*

находку и владение претендуют не менее трех государств. В процессе ее неоднозначной передачи Лувру несколько месяцев назад она исчезла в Марселе. Во время кражи четыре человека были убиты особо жестоким способом. Правительства Греции, Франции и Великобритании бросили все силы на выявление местонахождения скульптуры и раскрытие убийств, но безрезультатно.

– Три страны? И почему они все претендуют на эту Нику?

– Ее нашел один из четырех убитых мужчин, подданный Великобритании, работавший на раскопках в Греции, которые финансировались Францией.

– Понятно. И поэтому *вас* попросили...

– Майкрофт, а также французское правительство действительно просили меня расследовать это дело, но до сих пор я отказывался.

– Почему?

Холмс вздохнул.

– Алчный аристократ и неудачная кража произведений искусства не представляли для меня достаточный интерес до того момента, когда я получил письмо от мадемуазель Ла Виктуар. С Пеллингемом может оказаться не все так просто. Майкрофт занимается проверкой слухов о деловых и личных преступлениях в поместье графа, которые заслуживают пристального внимания. Но даже он вынужден действовать крайне осторожно из-за огромной власти Пеллингема. Для продолжения расследования ему требуется больше данных.

– Больше?

– Макинтош, Ватсон, макинтош. Майкрофту нужно оправдать расследование, а мадемуазель Эммелин Ла Виктуар вполне может стать своего рода *entrée*⁸ в мир графа.

Мы ненадолго замолчали; я глядел в окно на проносившиеся мимо сельские пейзажи, тускнеющие в угасающем свете. Над головой темнело затянутое тучами небо. Вдалеке сверкнула молния. Для нашей предстоящей переправы ничего хорошего погода не предвещала. Я снова повернулся к Холмсу.

– Остается открытым вопрос о ребенке. И нападение на саму леди.

– Верно.

– Судя по ее письму, она определенно напугана.

– Согласен. Ее просьба скрыть мой ответ, подписавшись чужим именем, указывает на возможную слежку. Боюсь, что мы можем опоздать.

– Но кто такая эта Эммелин Ла Виктуар?

– Ватсон, вы никогда не слышали о певице Шери Чериз?

– Признаюсь, нет. Холмс, вы же отлично знаете, для отдыха я предпочитаю бридж и чтение у камина в тишине.

– Ха! Что за вежливая отговорка! Вы отличный стрелок, имеете пристрастие к азартным играм, обожаете дешевые бульварные романы, а также склонны...

– Холмс!

М-да, мой друг знал меня слишком хорошо.

⁸ Вход (франц.).

– В Париже Шери Чериз сейчас на пике славы. Если верить слухам, она *chanteuse extraordinaire*⁹ и выступает то в «Ша Нуар»¹⁰, то в «Мулен-де-ла-Галетт». Каждый вечер оба эти заведения битком набиты посетителями, которых своим появлением на сцене она повергает чуть ли не в экстаз.

– «Ша Нуар»? Черное кресло?

– Кот, Ватсон, черный кот, весьма авторитетное частное заведение. В прошлом году, во время работы на французов, я дважды посетил его. Отличная музыка, публика и даже произведения искусства в качестве украшения стен.

– Но я по-прежнему не понимаю связи.

– Успокойтесь, мой добрый доктор, все прояснится. А теперь отдыхайте, впереди у нас много работы. Возможно, уже сегодня вечером мы услышим, как поет эта леди.

– Она хотя бы красива? – задумчиво вздохнул я.

Холмс улыбнулся.

– И эти слова я слышу от женатого мужчины! Вряд ли вы будете разочарованы, Ватсон. Когда француженка – не красавица, она все же произведение искусства. А когда она красива, никто того же пола не превзойдет ее. – С этими словами он низко надвинул шляпу на глаза, устроился поудобнее и быстро заснул.

⁹ Необыкновенная певица (*франц.*).

¹⁰ (*франц.* «Черный Кот») Знаменитое парижское кабаре на Монмартре, открытое в 1881 году художником Р. Салисом, который часто сам выступал в роли конферансье. Через несколько лет после смерти основателя (1897) было продано и сменило название. – *Примеч. пер.*

Часть вторая. Город света

Искусство рождается из наблюдения и исследования природы.

Цицерон

Глава 3. Мы встречаемся с нашей клиенткой

Нам пришлось провести ночь в Дувре, разделив на двоих тесный номер отеля, битком набитого застрявшими путешественниками, которых задержал бушевавший шторм. Холмс ненадолго выходил в снежную бурю – отправить несколько телеграмм, в том числе и для мадемуазель Ла Виктоуар. Теперь наша клиентка ожидала нас в одиннадцать утра у себя на квартире.

Покинув Северный вокзал, мы пошли по заснеженным улицам, мимо рядов деревьев, увешанных хрустальными сосульками, направляясь к холмам Монмартра, где находилось любимое бистро Холмса «Франк Бувер». Там мы решили скоротать час, остававшийся до назначенной встречи. Стояло еще совсем раннее утро, и мне ужасно хотелось кофе и даже, наверное, с булочкой, но Холмс заказал нам обоим провансальский буйабес, который оказался сытным и аро-

матным густым рыбным супом, типичным для кухни Марселя, и, по-видимому, в этом заведении его подавали в любое время суток. На мой вкус, буйабес, пожалуй, был несколько радикальным вариантом завтрака, но я с удовлетворением отметил, с каким удовольствием съел его Холмс.

Я сделал мысленную заметку возвращаться со своим другом в Париж всякий раз, когда замечу, что его худощавое тело становится опасно изможденным. Лично я никогда не сталкивался с такой проблемой, но в свои тридцать пять лет уже понял, что мне стоит предпринимать разумные меры предосторожности в противоположном направлении.

Мы пробирались по извилистым, обсаженным деревьями улицам к дому, в котором жила мадемуазель Ла Виктуар. В этой части Монмартра царила почти сельская тишина, несколько неожиданная, если вспомнить о знаменитой ночной жизни упомянутого района. Время от времени между старыми домами попадались пустые, укрытые снегом, участки с палисадниками. Позади них, сразу за прилегающими улицами, возвышались ветряные мельницы.

Подойдя к элегантному трехэтажному зданию с изящными решетками на окнах, мы позвонили и вскоре уже стояли на третьем этаже перед дверью, выкрашенной в необычный темно-зеленый цвет. Богато украшенный медный молоток приглашал воспользоваться им. Мы постучали.

Дверь открыла одна из самых красивых женщин, каких только мне доводилось видеть. Шери Чериз, урожденная Эм-

мелин Ла Виктоуар, стояла перед нами в бархатном домашнем платье того же темно-зеленого цвета, идеально подчеркивавшего ее удивительно зеленые глаза и каштановые волосы. Поражала не только ее физическая красота, но и редкое качество, казалось, струившееся от этой леди, – искра интеллекта в сочетании с женственным очарованием, от которого у меня чуть не перехватило дыхание.

Однако глубокие тени под яркими глазами и явная бледность говорили о печали и тревоге. Она окинула нас обоих взглядом, мгновенно впитавшим каждую мельчайшую деталь.

– Месье Холмс! – улыбнулась она моему спутнику. – Я так рада! – Она повернулась ко мне с теплой улыбкой. Я вспыхнул, краснея, без всякой причины. – А вы, наверное, доктор Ватсон, самый замечательный друг мистера Холмса? – Я протянул ей руку для рукопожатия, но вместо этого она расцеловала меня, а затем Холмса в обе щеки на французский манер.

От нее исходил тот же восхитительный аромат, что и от ее письма, – духов «Джики», как определил их Холмс, – и требовалось немалое самообладание, чтобы удержаться от широкой улыбки. Но мы пришли к ней по серьезному делу.

– Мадемуазель, мы к вашим услугам, – сказал я.

– Мадам, – поправила она. – *Merci*¹¹. Спасибо, что приехали и так быстро. – Ее прелестный французский акцент толь-

¹¹ Спасибо (франц.).

ко добавлял ей очарования.

Вскоре мы сидели перед маленьким камином в гостиной ее роскошной квартиры, оформленной во французском стиле в золотисто-кремовых тонах, с высокими потолками, светлым восточным ковром и мягкой мебелью с шелковой обивкой в тонкую полоску. На этом нейтральном фоне ярко выделялись несколько букетов свежих цветов, дорогих в это время года, и разбросанные повсюду радужные шелковые шарфы. Наша клиентка обладала утонченным вкусом.

Извинившись за отсутствие слуг, леди сама принесла нам по чашке горячего кофе.

– Мой муж скоро вернется, – сказала она. – И горничная, с продуктами.

Холмс вздохнул.

Мадемуазель Ла Виктуар внимательно посмотрела на него.

– Это правда, я упоминала о муже.

– Вы не замужем, – заявил Холмс.

– Да нет же... – начала леди.

Холмс хмыкнул и резко встал.

– Ватсон, идемте. Боюсь, наше путешествие оказалось пустой тратой времени.

Леди вскочила вслед за ним.

– Месье Холмс, нет! Умоляю вас!

– Мадемуазель, вы не замужем. Если вам нужна моя помощь, я не требую ничего иного, но только полной откры-

венности. Не тратьте мое время впустую.

Она помолчала, размышляя. Я неохотно встал. Холмс потянулся за своим головным убором.

– Сядьте, пожалуйста, – наконец, проговорила она и села сама. – Вы правы. И мое дело не терпит отлагательств. Но как вы узнали?

Я сел, Холмс остался стоять.

– Вы утверждали, что у вас есть муж, и его имя упоминается в нескольких статьях о вас. И все же его никогда не видели и не знают, как он выглядит. Мои расспросы показали, что никто не знаком с ним. И теперь в вашей квартире я замечаю много женских следов присутствия, но ни одного мужского: ваши шарфы, оставленные на спинке единственного мягкого кресла, которое наверняка стало бы его территорией; выбор книг на вашей каминной полке; отсутствие принадлежностей для курения, за исключением вашего собственного портсигара. – С этими словами он указал на маленькую изящную серебряную коробочку на боковом столике.

– Да, это мой. Хотите закурить, мистер Холмс? Я не возражаю.

– Благодарю, но нет! Детали, которые я упомянул, – всего лишь незначительные признаки, но доказательством является кольцо на вашей левой руке. Фальшивое, как я полагаю: оно не только плохого дизайна, но и немного велико вам. Если учесть пристальное внимание к выбору цвета и по-

кроя вашего наряда, а также к убранству этой комнаты, такая оплошность указывает на то, что ваш брак – фикция, которая, скорее всего, предназначена для лишения душевного спокойствия ваших поклонников-мужчин. И своей цели она достигает, делая вас совершенно неприступной.

Его объяснения казались такими очевидными, однако сам я не заметил ни одного из этих фактов.

Мадемуазель Ла Виктуар с легкой улыбкой хранила молчание.

– Что ж, все это достаточно очевидно, а ваши замечания доказывают, что вы более наблюдательны, чем многие другие.

Холмс фыркнул.

– Я еще не закончил...

– Холмс... – предупреждающе начал я.

– Моя теория, хотя она и бездоказательна, заключается в том, что вы никому не доверяете. К такому выводу я пришел в результате своего первого впечатления от встречи с вами.

– Я просто оцениваю ваши возможности, – сказала она.

– Нет. Вы уже оценили их. Отправив письмо.

– Тогда как вы пришли к такому личному заявлению после пяти минут общения и осмотра моей гостиной?

– Холмс! – снова взмолился я. Мы забирались в опасную область.

Он проигнорировал меня, подавшись вперед, и взгляд его серых глаз сцепился с ее взглядом.

– Вы творческий человек, с большим талантом, судя по вашей репутации, а значит, вспыльчивы, переменчивы... и подвержены полетам фантазии, а также приступам отчаяния. Ваш музыкальный талант, в сочетании с изысканным чувством цвета и утонченным вкусом, проявляется как в вашем интерьере, так и в вашей одежде, и свидетельствует об остро чувствующей, хорошо развитой артистической натуре. Вы маскируете свою сильную от природы эмоциональность четкими и интеллигентными манерами. Но это не просто маска; ваше критическое мышление позволило вам самостоятельно сделать успешную карьеру, несмотря на слабые стороны характера. Тем не менее вы обманываете себя; в глубине души и по своей природе вы движимы эмоциями.

– Я артистка, а мы, артисты, эмоциональны. Ничего нового!

– Но я еще не дошел до сути моих выводов, – возразил Холмс.

Я со стуком поставил чашку обратно на блюдце.

– У вас невероятно вкусный кофе. Нельзя ли еще чашечку? – попросил я.

Они оба оставили мой вопрос без внимания.

– И к чему вы клоните? – спросила леди.

– У вас незаконнорожденный сын от графа. Хотя я пока не знаю подробностей, вы наверняка были тогда совсем молоды. Скорее всего, первая любовь. Сколько вам было лет?

Мадемуазель Ла Виктуар притихла. Я не мог прочитать ее

состояние, но температура в комнате упала.

– Восемнадцать.

– Понятно, значит, я прав.

– *Peut-être*¹². Продолжайте.

– Поскольку вы не замужем за графом, его предательство, очевидно, должно было ранить такую чувствительную молодую особу, как вы, довольно глубоко. Уверен, с того времени вы не доверяете мужчинам и тем не менее жаждете мужского внимания каждой частичкой своей романтической души.

У нашей клиентки вырвался тихий вздох.

Слова Холмса повисли в комнате, как крошечные сосульки. Иногда он даже не подозревал, как они могут ранить. Однако мадемуазель Ла Виктуар быстро взяла себя в руки.

– Bravo, мистер Холмс, – сказала она с улыбкой. – Все так, как если бы вы обладали личными знаниями об этом предмете.

– У меня не было предварительной информации...

– Ах, *non*¹³! Я понимаю, вы сделали выводы, опираясь на свой опыт.

На его лице промелькнуло удивление.

– Вряд ли. Но теперь давайте перейдем к текущему вопросу и рассмотрим факты вашего дела.

– Да уж, давайте, – согласилась леди.

Они немного успокоились и теперь глядели друг на дру-

¹² Возможно (*франц.*).

¹³ Нет (*франц.*).

га со сдержанным восхищением, как могли бы смотреть боксеры-чемпионы перед боем. А я вдруг заметил, что нервно сижу на самом краешке стула. Прочистив горло и устроившись поудобнее, я постарался немного расслабиться и рискнул предложить:

– Кто-нибудь желает сигарету?

– Нет, – одновременно ответили они.

Первым начал Холмс.

– Ваш сын. Сколько ему, девять? Десять?

– Десять.

– Как вы обнаружили, что он пропал? *En français... plus facile pour vous?*¹⁴ – спросил Холмс более дружелюбным тоном.

– Ах, *non*. Я предпочитаю английский.

– Как пожелаете.

Мадемуазель Ла Виктуар глубоко вздохнула и поправила свое зеленое платье.

– Каждое Рождество я вижу с *mon petit*¹⁵ Эмилем в Лондоне, в отеле «Браунс». На встречу его приводит один и тот же человек, «посредник». Мы с Эмилем вместе обедаем в прекрасной чайной комнате отеля, и я дарю ему подарки. Расспрашиваю, как прошел год, стараюсь узнать его получше. Для меня это драгоценное время, и его слишком мало. В этом году встречу отменили. Я написала письмо и отпра-

¹⁴ По-французски... так проще для вас (*франц.*).

¹⁵ Мой маленький (*франц.*).

вила телеграмму. Но ни разу не получила ответа. Наконец, посредник сообщил, что Эмиль находится со своим дядей на побережье и какое-то время с ним нельзя будет видеться.

– Но вы не поверили этой истории.

– У него нет дяди.

– Эти рождественские встречи проходили каждый год с момента его рождения?

– Да. Так мне удалось договориться с его отцом, графом.

– С Гарольдом Бошампом-Кеем, нынешним графом Пеллингемом? – уточнил Холмс.

– Да.

– Начните, пожалуйста, с самого начала. Опишите мальчика.

– Эмилю десять. Маленький для своего возраста. Стройный.

– Насколько маленький?

– Примерно такого роста, – ответила мадемуазель Ла Виктуар, держа руку примерно в четырех футах от земли. – Светлые волосы, как у его отца, и мои зеленые глаза. Довольно красивый ребенок и тихий. Любит музыку и чтение.

– А кем мальчик считает вас?

– Другом семьи, не родственницей.

– В Лондон мальчика сопровождает граф?

– Эмиля, – подсказал я. – Его зовут Эмиль.

– *Non!* Я не видела Гарольда... в смысле графа... с тех пор, как...

Тут ее голос дрогнул. Она выглядела глубоко взволнованной. Я почувствовал, как Холмс подавил вздох нетерпения.

– Тогда кто привозит Эмиля в отель «Браунс»?

– Померой, камердинер графа. У него французское происхождение, и он очень добрый. Он понимает, что такое материнская любовь. – Внезапно маска, скрывавшая ее чувства, дала трещину, и леди несколько раз судорожно вздохнула, чтобы не разрыдаться. Я протянул ей свой носовой платок. Она грациозно взяла его и поднесла к глазам. Холмс оставался невозмутимым. Я не сомневался в искренности ее чувств. Хотя она и пыталась изо всех сил держать себя в руках.

– Я должна объяснить. Десять лет назад, здесь, в Париже, я была бедной певичкой. Те три дня любви... мы говорили о браке. Я не знала, что он граф или что уже женат. Но потом...

– Да, да, конечно. Двигаемся вперед во времени. Итак, в деле замешан камердинер по имени Померой? Что случилось в этом году? – поторопил ее Холмс.

– Холмс! – снова укоризненно предостерег я. Леди явно переживала сильное потрясение.

– Прошу вас, продолжайте, – настойчиво произнес он, лишь немного смягчив тон. – Что вы сделали, когда узнали, что ваша рождественская встреча отменяется?

– Я написала, требуя объяснений.

Холмс нетерпеливо замахал руками:

– И...?

– В ответном письме меня предупредили, чтобы я не настаивала на встрече, иначе я никогда больше не увижу Эмиля.

– Граф написал?

– Нет. С тех пор, как мы заключили наше соглашение, у меня не было никаких контактов с графом – ни лично, ни в письмах. Письмо было от его человека, Помероя.

– И никаких дальнейших объяснений или иных контактов?

– Я отправила третью телеграмму, но ответа не получила.

– Что помешало вам лично поехать в поместье графа и выяснить все на месте? – резко спросил Холмс. – Дайте мне сигарету, которую вы предлагали.

Леди открыла свой портсигар. Холмс похлопал себя по карманам в поисках спичек. Я достал спички и дал ему прикурить.

– Все эти события произошли совсем недавно, месье Холмс, – ответила она. – Первоначальная договоренность заключалась в том, что я не предпринимаю никаких других попыток увидеться с Эмилем, кроме этой единственной встречи на Рождество. Таковы были условия.

– Но другая сторона нарушила это соглашение, – отрезал Холмс. – Вам не приходило в голову, что ваш сын может быть мертв?

– Он не умер! – Мадемуазель Ла Виктуар встала, сверкая глазами. – Он не умер. Не знаю, откуда мне это известно, ме-

сье Холмс, и вы можете анализировать или насмехаться, если хотите. Но каким-то образом, как мать, я знаю, мой сын жив. Вы должны мне помочь! Вы нужны мне, чтобы действовать.

– Мадемуазель! Мы еще не закончили.

– Холмс, вы расстраиваете леди своими грубыми вопросами. Похоже, мы не выслушали еще и половины этой истории.

– В том-то и дело. Я не смогу помочь вам, если буду знать только половину, а не всю историю целиком, – заметил Холмс. – Сядьте, пожалуйста, и давайте продолжим.

Она села, собираясь с мыслями.

– Кто еще в поместье графа знает, что Эмиль – ваш сын?

– Леди Пеллингем знает.

Холмс удивленно откинулся назад.

– Жена графа, та американская наследница! Она знает всю историю целиком? Что это ребенок графа?

– Да.

– И она приняла в свой дом незаконнорожденного отпрыска мужа?

– Более того. Она стала Эмилю матерью. Она нежно любит его, и он отвечает на ее чувства взаимностью. Эмиль правда считает эту женщину мамой! – Тут она замолчала, и ее голос сорвался на рыдание.

– Для вас, наверное, это невыносимо, – посочувствовал я.

– Продолжайте, – сказал Холмс.

– Сначала было тяжело, – призналась она. – Очень тяжело.

Но позже я поняла, что пусть лучше так. Леди Пеллингем –

добрая женщина. Она потеряла ребенка при родах, почти в то же время, когда родился Эмиль. Моим малышом тайно заменили их мертвого ребенка, и весь остальной мир считает, что он их сын. Эмиль унаследует поместье и станет следующим графом Пеллингемом. Поэтому, понимаете...

– Понимаю, – снова резко сказал Холмс. – Удачное во многих отношениях соглашение.

Леди напряглась.

– Вы считаете меня корыстолюбивой...

– Нет, нет, он имел в виду другое! – вскочил я со стула, но Холмс опередил меня.

– Я считаю вас практичной.

– Да, практичной. На момент усыновления моего мальчика я была всего лишь бедной артисткой и не могла предложить Эмилю ни образования, ни других преимуществ. А жизнь с мамой-артисткой привела бы малыша в мир, полный опасностей и дурных влияний. Представьте жизнь ребенка за кулисами...

– Да, да, конечно. Мадемуазель Ла Виктоуар, вы написали, что на вас напали, – сказал Холмс, – именно по этой причине мы здесь. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

– Это произошло ровно через день после моей последней телеграммы. На улице ко мне подошел хулиган. Он грубо толкнул меня, размахивая оружием – необычным ножом.

– Опишите нож.

– Очень странный. По виду он напоминал половник с ост-

рым, как лезвие, краем, – рассказала наша клиентка. – Я отстранилась и, поскользнувшись на льду, упала.

– Он ранил вас?

– Больше напугал, чем ранил. От падения я получила лишь небольшой ушиб. Но было кое-что еще...

– Что? Постарайтесь вспомнить как можно точнее.

– Когда я упала, тот мужчина помог мне подняться.

Холмс в волнении подался вперед.

– Он говорил с вами? Его точные слова?

– После того, как он помог мне подняться, он приставил свое странное оружие к моему горлу и сказал, чтобы я вела себя осторожнее.

– Так и сказал? И никакого упоминания о графе?

– Нет, ничего конкретного. Он сказал: «Оставь в покое.

Или кто-то может умереть».

– Его акцент. Английский? Американский? Греческий?

– Французский, – ответила она. – Хотя я не уверена. Низкий голос.

– Что-нибудь в этом человеке, его одежде, голосе, ноже показалось вам знакомым?

– Вовсе нет. Шляпа с широкими полями отбрасывала тень на лицо мужчины. К тому же были сумерки и шел сильный снег. Я не разглядела его.

– Вы знаете кого-нибудь, кто работает кожевником?

– Кожевником? Вы имеете в виду, выделяет кожи? Э-э... нет. Никого. Но почему вы спрашивает?

– Нож. Вы описали сухой скребок кожевника. Инструмент, который применяется в этой отрасли.

– Мистер Холмс, в любом случае, я не люблю, когда мне угрожают.

– Даже не сомневаюсь. Однако я склонен считать его слова не угрозой, а дружеским предупреждением.

– Нет же! – воскликнула она.

– *Attendez*¹⁶. Думаю, опасность действительно существует. И скорее всего, в большей степени для вашего сына, чем для вас. Однако не исключаю, что ваши попытки разыскать его могут подвергнуть опасности вас обоих. – Мадемуазель Ла Виктуар сидела неподвижно и слушала. – В интересах безопасности прошу вас не выходить на улицу одной. Ничего не предпринимайте, но позвольте доктору Ватсону и мне беспрепятственно заниматься поисками вашего сына. Теперь еще один вопрос. Вы чувствовали что-нибудь неладное до этого происшествия? К примеру, во время предыдущих встреч с сыном?

– Вы должны понять меня, месье Холмс, – ответила певица. – Я люблю своего мальчика. На протяжении многих лет я видела здорового и счастливого ребенка, у которого все есть в достатке. Я никогда не оставила бы ситуацию без внимания, если бы что-то было не так. Он всегда выглядел так, будто граф и его жена относились к нему доброжелательно и великодушно.

¹⁶ Подождите (франц.).

Холмс оставался бесстрастным. В небольшом коридоре, ведущем в соседнюю комнату, громко скрипнул стул. Мгновенно насторожившись, Холмс тут же вскочил на ноги. Я присоединился к нему.

– Кто еще находится в квартире? – спросил он.

Мадемуазель Ла Виктоуар поднялась.

– Никого. Горничная с продуктами вернулась. А теперь, если позволите...

– Ее имя?

– Бернис. Да в чем дело? – Холмс не ответил. Мадемуазель Ла Виктоуар подошла к входной двери и открыла ее, недвусмысленно давая нам понять, что пора уходить. – А теперь, джентльмены, мне необходимо отдохнуть и подготовиться к сегодняшнему выступлению. Буду рада видеть вас в «Ша Нуар». Я пою в одиннадцать. Позже мы можем продолжить разговор.

– Мы с удовольствием придем, – заверил я ее. – Спасибо за кофе и ваше любезное гостеприимство. – Я подошел и поцеловал ей руку. Обернувшись, я увидел, что мой спутник уже надел пальто и снимал с вешалки шарф.

Через несколько мгновений мы оказались на улице. Начался снег.

– Ватсон, что вы думаете о нашей клиентке?

– Она чрезвычайно красивая.

– Осторожная.

– Очаровательная!

– Сложная. Что-то скрывает.

– Я был рад услышать, что в доме графа с мальчиком общались хорошо. Вы не верите ее словам?

Холмс фыркнул и зашагал быстрее.

– Пока мы не можем быть уверены, что дома с Эмилем общались хорошо. Нередко дети рано учатся самостоятельно справляться со своими проблемами.

– Но мадемуазель Ла Виктоар, безусловно, заметила бы, – возразил я.

– Необязательно. Даже мать может не заметить эти признаки.

Я был ошеломлен этим комментарием. Как я часто делал в прошлом, я снова ненадолго задумался о собственной судьбе Холмса. Я ничего не знал о его детстве. Неужели он говорил о себе и его мать не заметила признаков проблем в его жизни? И каких именно?

С нами поравнялась крепкая женщина с охалкой продуктов. Холмс бодро окликнул ее с безупречным акцентом:

– *Bonsoir*¹⁷, Бернис!

– *Bonsoir, monsieur*¹⁸, – певуче ответила она, но, увидев незнакомцев, поспешила дальше.

Холмс посмотрел на меня. *Кто еще находился в квартире?*

¹⁷ Добрый вечер (франц.).

¹⁸ Добрый вечер, месье (франц.).

Глава 4. В Лувре

Пока мы находились в гостях у мадемуазель Ла Виктоуар, снег с дождем сменился настоящим легким снегопадом. До вечернего представления оставалось несколько часов, поэтому, поймав кэб, мы направились в небольшой отель недалеко от церкви Мадлен. К моему удивлению, Холмс предложил затем посетить Лувр. Я умолял его отдохнуть, но нервная энергия моего друга восстановилась, и он указал, что непродолжительное и неторопливое ознакомление с некоторыми из величайших мировых художественных сокровищ будет лучшим отдыхом, чем сон. В то время эта мысль казалась мне вполне разумной.

Я должен был догадаться о другой – невысказанной – причине, каковая часто являлась отличительной чертой моих путешествий с Холмсом. Оставив багаж в отеле, мы поймали другой кэб.

Холмс направил кэбмена немного в сторону от нашего пути, по живописному маршруту через Париж, сначала на восток, к площади Этуаль. Обогнув великолепную Триумфальную арку, мы проследовали дальше по Елисейским полям, двигаясь мимо впечатляющего Дворца промышленности. Когда мы прибыли на площадь Согласия, Холмс указал мне на Луксорский обелиск, а затем велел ехать на юг, к реке. Там, справа от нас, в снежном воздухе смутно вырисо-

вывался незавершенный призрак Эйфелевой башни. Она до смешного напоминала сооружение, какое Жюль Верн мог бы сконструировать в качестве лестницы на Луну.

– Жуть какая! – прокомментировал я. Холмс улыбнулся. Интересно, как долго парижане будут терпеть это чудовище?

Войдя в Лувр, мы начали с экскурсии по галереям южного крыла. Холмс удивлял меня своим обширным знанием коллекции и тем удовольствием, которое он явно получал, подробно рассказывая мне о ней. Я был счастлив видеть, как обновляются его и разум, и дух, поскольку мало что, кроме работы и его скрипки, могло доставить облегчение его беспокойному, подвижному уму.

Возможно, я ошибался, и эта поездка в Париж стала именно тем тонизирующим средством, которое требовалось ему для выздоровления.

Мы быстро прошли несколько больших залов и остановились передохнуть перед одним необычным портретом. Картина изображала несколько эксцентричного по виду джентльмена, с растрепанными седыми волосами и насмешливым выражением лица, одетого в богемном стиле восьмидесятилетней или около того давности – широкий меховой воротник, ярко-красный шарф. Холмс остановился перед портретом, очевидно захваченный им.

– Холмс, этот странный человек на картине – ваш друг? – высказал я вслух возникший вопрос.

– Вряд ли. Этот человек – художник Изабе¹⁹, известный своими небольшими портретами, – давно ушел из жизни, а картину музей приобрел недавно, и я читал о ней.

Немного странное выражение лица и одежда джентльмена на картине явно бросались в глаза.

– Выглядит слегка сумасшедшим! – заметил я. – Или готовым приступить к какому-то сомнительному развлечению.

Холмс в изумлении повернулся ко мне.

– Пожалуй. С художником никогда не знаешь наверняка.

Я прочитал имя под портретом. Он был написан Орасом Верне²⁰, братом бабушки Холмса! Мой друг мало говорил о своем детстве, но однажды упомянул об этом родстве.

– Так художник – ваш двоюродный дедушка! – воскликнул я. – Портрет – необычный для него жанр, да? Разве он не был более известен благодаря историческим, а позже военным и восточным сюжетам? – поинтересовался я, гордясь тем, что могу продемонстрировать познания хотя бы в одном очень маленьком разделе изобразительного искусства.

Холмс посмотрел на меня с некоторым удивлением и, улыбнувшись, вернулся к изучению картины.

Для лучшего понимания моего друга я взял себе на заметку ознакомиться с историей семьи Верне. Орас Верне появился на свет при необычных обстоятельствах: он родился

¹⁹ Изабе Жан-Батист, французский художник-портретист (1767–1855). – *Примеч. пер.*

²⁰ Верне Орас, французский художник и дипломат (1789–1863). – *Примеч. пер.*

в самом Лувре в июне 1789 года, в то время как его отец-художник (прадед Холмса), Карл Верне²¹, прятался там во время разгула Французской революции во всей ее жестокости.

Сестру Карла, арестованную за связь со знатью, с криком утащили на гильотину. И Карл больше никогда не рисовал, но его сын Орас стал известным художником. Отбросив атрибуты классицизма, он проложил собственный путь художника-отступника от гораздо более естественного стиля к тематике, в основном, солдат и Востока.

В то время как другая ветвь семьи Холмса была представлена английскими сельскими сквайрами, людьми более традиционного нрава (хотя и в этом я не был уверен до конца), я всегда чувствовал, с тех пор как узнал о французских корнях Холмса, что именно они отчасти объясняют его теорию «искусства в крови».

У Холмса, холодной рассуждающей машины, действительно имелась глубоко эмоциональная сторона. И некоторые из скачков мысли, которые приходили ему в голову – после сбора фактов, конечно, – демонстрировали наличие воображения, которое можно было назвать только художественным.

Когда мы вышли из этой галереи в следующую, Холмс придвинулся ко мне и прошептал:

– Вы заметили человека, который следует за нами?

Я вздрогнул и начал поворачиваться.

²¹ Верне Карл, французский художник (1758–1836). – *Примеч. пер.*

– Не выдавайте нас! Продолжайте идти.

– Холмс, я тоже хочу увидеть его!

Вскоре мы вошли в зал с экспозицией рисунков Энгра²². Этюды женщин и детей, выполненные пером и чернилами, наверное, были приятными, но я не мог сосредоточиться на них. Я оглянулся. Был ли там кто-то, сразу скрывшийся за дверью в соседнюю галерею? Или Холмсу, с его подорванным здоровьем, наш преследователь померещился?

Кто мог знать, что мы будем здесь, или имел хотя бы малейшую причину следовать за нами? Скорее всего, просто еще один турист. О чем я только думал?

– Джентльмен с большим зонтиком очень даже неплохо ведет слежку. – Холмс незаметно кивнул в сторону галереи, из которой мы только что вышли.

– Холмс, я ничего не понимаю. Посетители музея оставляют свои зонтики в гардеробе.

– Вот именно.

Я снова огляделся. Ни одного человека с зонтиком. Небольшая струйка беспокойства в сочетании с раздражением начала растекаться по мне.

– Может, по чашечке кофе?

– Следуйте за мной, Ватсон, и мы оторвемся от этого парня. – Он перешел на быстрый шаг.

– Смешно, – пробормотал я и поспешил за ним. В чем

²² Энгр Жан Огюст Доминик, французский художник, живописец и график (1780–1867). – *Примеч. пер.*

СМЫСЛ ЭТИХ ТАИНСТВЕННЫХ ИГР?

Через десять минут, запыхавшись после рыси по лабиринту галерей и залов, больших и малых, по маршруту, который, казалось, был хорошо знаком моему спутнику, он решил, что нам удалось потерять нашу тень.

– Ладно, наш преследователь наверняка присоединился к одной из туристических групп американок, – заметил я, – где и найдет себе подходящую жену, что позволит ему отказаться от преступной деятельности!

Холмс пропустил мою реплику мимо ушей, и вскоре мы подошли к широкой лестнице, у начала которой стояла поразительная статуя – фигура женщины без головы, с распростертыми за спиной крыльями, готовая шагнуть вперед.

– Узрите Крылатую Победу с острова Самотраки, или Нику Самофракийскую! – объявил Холмс. – Один из лучших в мире образцов эллинистического искусства, если не *самый* лучший.

Но наш вымышленный преследователь прочно завладел моим воображением.

– Наверное, сейчас они очаровывают его своими пронзительными замечаниями из области искусства, – пошутил я. – Одна из них привлечет его внимание. Они вместе переедут в Филадельфию, откроют небольшой магазин зонтов, где...

– Я же сказал, мы оторвались от него, – огрызнулся мой спутник.

– Холмс, я вам скажу еще больше: его никогда и не было! –

раздраженно ответил я. Но он не обратил внимания на мои слова, погрузившись в созерцание статуи.

– Ватсон, вы только посмотрите. Разве она не великолепна? Обратите внимание, какая живая поза, спиральная структура, как передан эффект мокрой одежды... словно она на носу корабля. Этот стиль пришел с острова Родос, и, вероятно, скульптура увековечивает древнюю победу человека над морем. Говорят, марсельская Ника, о которой я рассказывал вам в поезде, очень похожа на нее, что вполне могло бы сделать ту статую действительно самой желанной!

Он не сводил со скульптуры восхищенного взгляда, не знаю, чем больше очарованный – ее чертами или самой идеей. Полагаю, она была прекрасна и, безусловно, производила впечатление на грани драматизма. А еще у нее не было головы. Где голова-то? Я вздохнул, внезапно почувствовав усталость.

Холмс бросил на меня испепеляющий взгляд.

– Здесь можно попить чаю? – поинтересовался я. – Пожалуй, французская булочка оживила бы меня.

– Ватсон, откуда в вас столько мещанства? Вы же стоите перед одним из лучших произведений искусства в западном пантеоне... – Замолчав на полуслове, он вытащил карманные часы. – Отлично! Время пришло! У меня назначена встреча с куратором скульптуры: нам надо кое-что обсудить по украденной статуе Ники. Вроде, в их распоряжении есть редкая фотография. Идемте, нам нельзя опаздывать.

– Что? Вас же не интересуеt украденная статуя.

– Выполняю просьбу брата, не более того. Ну, и любопытство, конечно.

Холмс всегда отличался целесообразностью, поэтому я усомнился в его объяснении, но постарался сдержать раздражение.

– Когда вы успели назначить эту встречу?

– Элементарно, Ватсон! – отрезал он. – Отправил телеграмму из Дувра.

Как типично для Холмса – скрывать свои намерения даже от меня!

– Холмс, здесь уйма произведений искусства, которыми я не в состоянии проникнуться с первого раза. – Мое раздражение усиливалось. – И я очень хочу выпить чашку чая. Немедленно.

Таким образом, договорившись с Холмсом встретиться у входа с улицы Риволи через три четверти часа, я оказался в галерее один. Он предупредил меня, чтобы я проявлял осторожность и оставался на виду у других посетителей.

Я счел это предупреждение бессмысленным. Кто мог следить за нами в Лувре? Никто, кроме эксперта по искусству, с которым он сейчас встречался, не знал о нашем присутствии здесь. Я задавался вопросом, не остаточный ли эффект кокаина, усугубленный чрезмерной художественной стимуляцией, заставил воображение моего друга работать сверхурочно.

Пытаясь отыскать дорогу в буфет, я окончательно поте-

рял ее и блуждал добрых пятнадцать минут, все больше уставая и раздражаясь. Наконец отзывчивый охранник показал мне короткий путь – по служебной лестнице, которой обычно пользовались сотрудники музея.

Я вышел на плохо освещенную винтовую лестницу и начал спускаться. Оглядываясь назад, я понимаю, что повел себя безрассудно. Но мне еще лишь предстояло осознать, насколько опасно наше расследование.

Когда я миновал следующую лестничную площадку, дверь этажом выше с тихим щелчком открылась. Я забыл о существовании таинственного преследователя и только через секунду-другую понял, что позади меня не слышно шагов.

Неужели кто-то вышел на лестничную площадку наверху и остался стоять около двери? Странно, подумал я и начал поворачиваться, чтобы посмотреть, что там происходит, как меня внезапно сильно ударил по ногам довольно высокий человек, закутанный в серую накидку, в низко надвинутой шляпе... и с зонтиком в руках! Я покатился по мраморной лестнице, словно детская игрушка, брошенная в порыве досады.

Врезавшись с глухим стуком в перила, ограждающие следующую лестничную площадку, я остался лежать там, едва дыша. При каждом движении грудной клетки сознание пронзала резкая боль, заставлявшая меня стонать. Дверь на площадке выше со щелчком закрылась, и я провалился в

черноту.

Когда я очнулся, то обнаружил, что лежу на кушетке и надо мной смутно виднеется страшно озабоченное лицо моего друга, Шерлока Холмса.

– Ватсон! Ватсон! – звал он, похлопывая меня по руке, чтобы привести в сознание.

Наконец мое зрение прояснилось, и я рассмотрел обстановку. Позади Холмса стояли два охранника. Мы находились в чем-то кабинете. Я несколько раз моргнул.

– Холмс, я в порядке, – с трудом выдавил я. – Немножко упал.

– Вас столкнули с крутой лестницы, – поправил он меня.

– Ну, в общем-то, да.

– Но напавшего вы не видели?

– Все произошло слишком быстро, – ответил я, пытаюсь сесть. – Я только мельком заметил шляпу. И зонтик.

Холмс хмыкнул.

– Согласен, я вам не верил, – смущенно признался я.

Холмс резко отпустил мою руку и повернулся к охранникам.

– Я обязан спросить вас еще раз! Кто выходил на эту лестницу? – обратился он к одному из них, и я узнал охранника, показавшего мне короткий путь в буфет.

– Ни один человек, – проскулил охранник, оправдываясь. – Я уходить. Я ничего не видеть.

– Никто? – Холмс уставился на него. – Идиот! – едва

слышно пробормотал он и повернулся ко мне. – Ватсон, вы достаточно здоровы, чтобы идти? Вас необходимо отвезти в отель и, возможно, показать врачу.

Я резко сел и тут же почувствовал приступ тошноты и острую боль в ногах, ребрах и затылке. Но, оценив свое состояние критически, я пришел к выводу, что ничего не сломано, и, скорее всего, я отделался только сильным ушибом.

– Врач не нужен, но я бы не отказался от чашки чая. И, пожалуй, небольшого отдыха перед сегодняшним вечером.

Холмс с облегчением улыбнулся.

– Ватсон, вы молодец! – сказал он.

Глава 5. Les Oeufs²³

После короткого отдыха в отеле головная боль утихла, и теперь только немного ныли ребра. Мы переоделись в вечерние костюмы, ненадолго задержались перекусить блюдом под названием *oeufs mayonnaise*²⁴ и, взяв кэб, поехали на Монмартр.

Недавно выпавший снег слегка припорошил Париж, и теперь город искрился, освещенный золотистыми газовыми фонарями, что придавало ему мистический вид.

– Вы, несомненно, поняли, что это дело сложнее, чем могло показаться вначале. – Выражение лица моего друга говорило о том, что этот факт совсем не огорчает его.

– Кто, по-вашему, столкнул меня с лестницы?

– Ха! Без сомнения, наш «воображаемый» преследователь, – с улыбкой ответил он.

– Да, но кто знал, что мы будем в Париже, кроме нашей клиентки и этого эксперта в Лувре?

– Эти двое и Майкрофт в придачу дают множество вариантов, – нетерпеливо заметил Холмс. – Я склонен думать, что это был «не-Бернис» – человек из квартиры мадемуазель Ла Виктоар.

– У вас есть версии?

²³ Яйца (*франц.*).

²⁴ Яйца под майонезом (*франц.*).

– Четыре. Нет, пять. И, думаю, главный подозреваемый появится уже сегодня вечером.

Трудно было не заметить удовольствия, которое доставляла моему спутнику возросшая опасность нашего положения. В его глазах горел азарт погони.

Я нащупал в кармане револьвер, холодный и успокаивающий. Вопреки моим лучшим инстинктам, я чувствовал, что мало-помалу тоже заражаюсь, как нежелательной лихорадкой, трепетом приключений.

Глава 6. «Ша Нуар»

Наш кэб постепенно удалялся от Парижских бульваров, по мере того как мы забирались в лабиринт узких и крутых улочек, приближаясь к Монмартру, обители колоритной богемы и центру мира искусства в Париже. Ветхие дома, окруженные деревьями и виноградными лозами, имели вид сумасшедшей деревни.

До относительно недавнего времени этот район находился на самой окраине Парижа. Интересно, здешние ветряные мельницы все еще используют для помола зерна?

Мулен-де-ла-Галетт²⁵, определенно, не использовали. Теперь она служила маяком для одного из самых известных в мире ночных клубов, местом бурных вечеров, где парижане и посетители-иностранцы собирались, чтобы послушать, как красивые женщины в захватывающих нарядах поют о любви, отчаянии и намекают на более интимные вещи, лишь слегка завуалировав их.

Странные клоуны устраивали там дикие представления, которые обезоруживали и шокировали, а ряды стройных танцовщиц исполняли знаменитый канкан, на долю секунды

²⁵ Ветряная мельница в верхней части Монмартра в Париже. Многие художники изображали ее на своих полотнах. С 1939 года является памятником архитектуры и охраняется государством. Одноименный ресторан расположен немного ниже по холму.

приоткрывающий взгляду нечто большее, чем могли бы вынести приличия. Нет, я никогда не видел все эти выступления.

Но я не терял надежды.

Мы миновали Мулен-де-ла-Галетт, и мое внимание захватили предвестники развлечения богатых – красочные афиши с развевающимися юбками, яркими цветами и гирляндами электрических огней, поблескивающие в холодном вечернем свете.

Конечно, мы были далеки от Лондона во всех отношениях. Я улыбнулся при мысли об оставшейся дома Мэри, представив, что она сказала бы об этом фееричном месте. Все свелось бы к ее «Я буду просто наслаждаться открыточным видом».

Наш кэб остановился на бульваре Клиши, у дома 68. Хорошо заметная вывеска объявила, что мы достигли места назначения. Само заведение выглядело как загородный дом, втиснутый между двумя большими зданиями, которые наклонились друг к другу, как чересчур заботливые родственники. Это и было знаменитое кабаре «Ша Нуар», или «Черный Кот».

Сделав глубокий вдох, я приказал себе быть начеку и первым делом огляделся, когда мы вышли из кэба, но в людском потоке на оживленной улице никто не выделялся.

Сдав верхнюю одежду, головные уборы и трости светловолосой кокетке, которая подмигнула мне и одарила улыб-

кой, я нехотя отметил, что прибывающая толпа увлекает меня по узкому коридору, а затем вверх по крутой лестнице с французскими политическими карикатурами на стенах. Я, конечно, понимаю, что французское чувство юмора – это не то же самое, что мое собственное, но меня поразили горький подтекст, «похоронная» тематика, презрение и гнев, завуалированные забавными карикатурами.

Контраст между приглашающей улыбкой хозяйки и саркастическими политическими комментариями вызывал не меньшее беспокойство, чем склонность на удивление разношерстной толпы к... ну, назовем это *толкаться*.

А потом я вдруг увидел главный зал.

Моим первым впечатлением был полный хаос – шум, дым, разношерстная толпа парижан всех сословий, набившихся как селедки в бочку. Кроме картин и афиш, стены были богато украшены карнизами, фонарями, причудливыми скульптурами. С потолка свисало огромное чучело какого-то обитателя морей. Морская свинья? Гигантский сом? Я не мог сказать наверняка.

Толпа представляла собой толкующуюся и смеющуюся массу. Шум угнетал. В одном углу за столиком сидели несколько швейцарских гвардейцев. Позже я узнал, что «Ша Нуар» было чем-то вроде места паломничества для этих странных наемников в их необычной сине-желтой полосатой форме, оставшейся неизменной со времен эпохи Возрождения. Буйный взрыв хохота раздался за их столиком.

Разумеется, я слышал о кабаре «Ша Нуар», но мне и в голову никогда не приходило, что однажды я окажусь здесь. Все заведение выглядело как один сплошной сумасшедший дом.

Мы с Холмсом пробирались сквозь плотную толпу к паре свободных мест. Какой-то бородатый негодяй в вельветовом костюме внезапно врезался в меня, расплескав свой бокал вина на мой жилет.

– Прошу прощения! – сказал я. Мужчина остановился как вкопанный, и пронзительный взгляд его темных глаз застыл на моем лице.

– *Anglais*²⁶! – он буквально выплюнул это слово, и вязкий комок его плевка едва не попал на мой начищенный ботинок. – *Va te faire foutre, espèce de salaud! On ne veut pas de toi ici!*²⁷ – Он повернулся и исчез в толпе.

Я бросил на Холмса вопросительный взгляд, и он, взяв меня за руку, провел к нашим местам. Я промокнул вино носовым платком, чувствуя, как от оскорбления пылает мое лицо.

– Садитесь, – сказал Холмс, когда мы втиснулись на два свободных места с краю длинной мягкой скамьи у дальней стены. – Вижу, это ваша первая встреча с опасной формой антианглийских настроений, которые разрослись здесь за последние годы.

²⁶ Англичанин! (*франц.*)

²⁷ Да пошел ты, сукин сын! Ты нам здесь не нужен! (*франц.*)

– Наверное, все еще не могут простить нам Азенкур²⁸, – ответил я с задетым достоинством.

– Вы не понимаете французов, – заметил он.

– Никто не понимает французов! – возразил я. Холмс ухмыльнулся.

Действительно, у этой толпы был свой привкус, как и у самого места, которое оставалось непроницаемым для моих чувств. Оглядевшись вокруг, я вдруг понял, что мы находимся в эпицентре некоего культурного движения, но от меня ускользала его значимость... или его значение. Я чувствовал себя немного похожим на чучело, висящее над нами, – наблюдателем, отчужденным и совершенно неуместным.

Мое внимание привлекла декоративная круглая рама, обрамляющая большой полупрозрачный экран на стене в глубине сцены. Заметив мое недоумение, Холмс объяснил:

– Это знаменитый Театр д’Омбр, или, по-другому, Театр Теней. Во время представления на экран проецируются тени марионеток, фигурок, отлитых из цинка. Сценки довольно забавные. Сейчас этот вид искусства весьма популярен.

– Вы уже видели его? – поинтересовался я.

– Несколько раз. Ага! Вот он, наш герой дня. – Он кивком указал на высокого красивого мужчину в хорошо сшитом костюме европейского покроя, с бойкими щегольскими

²⁸ Имеется в виду *битва при Азенкуре* – крупное сражение между французскими и английскими войсками в 1415 году, во время Столетней войны, проигранное французами. – *Примеч. пер.*

усиками, легко скользившего сквозь толпу. Француз, судя по элегантной одежде и смуглой привлекательной внешности. – Все, как я и ожидал, – заметил Холмс.

Джентльмен посмотрел в нашу сторону, и Холмс кивнул в знак приветствия. Мне показалось, что на мгновение по лицу молодого человека проскользнуло раздражение, но оно тут же сменилось очаровательной улыбкой. Он с усмешкой поклонился нам и занял свое место.

– Старый знакомый? – поинтересовался я.

– В некотором роде, – ответил Холмс. – А вам он случайно не знаком?

Я изучающе посмотрел на этого человека, но не узнал его.

– Кто он такой? – спросил я.

Прежде чем Холмс успел ответить, официантка поставила перед нами два графина с водой и два изогнутых стакана со странной зеленой жидкостью, занимавшей меньше половины каждого из них. На стаканах лежало по дырчатому ножу, с куском сахара сверху. Холмс расплатился и с улыбкой повернулся ко мне, показывая, что я должен налить воду на сахар.

– Мы обсудим это позже. А теперь оцените напиток; он довольно оригинальный. Но не больше одного глотка, Ватсон; сегодня вечером вы нужны мне с ясной головой.

Абсент! Он сошел с ума? Я наблюдал, как Холмс добавил воду, и при перемешивании жидкость приобрела жутковатое свечение. Такую субстанцию можно было бы представить

сочащейся откуда-нибудь из-под моря в романе Жюль Верна. Разумеется, я читал об этом веществе. Знаменитая смесь была сильнодействующим депрессантом, известным своими галлюциногенными эффектами.

– Нет, Холмс, спасибо. – Я отодвинул свой стакан.

Сделав глоток, он тоже отодвинул свой.

– Мудрый выбор, – сказал он. – Однажды я провел целый день в заведении по соседству, отгоняя грезы, навеянные абсентом. – Он пожал плечами. – Один раз стоит попробовать... во имя науки, конечно.

Я снова бросил взгляд в сторону «старого знакомого» Холмса. Он сидел у двери, поглощенный разговором с молодой парой, девушка смотрела на него с откровенным обожанием. По его жестам и восхищенному выражению ее лица я понял, что он обладает тем особым французским шармом, который трудно не заметить и невозможно подделать. Интересно, что связывало с ним Холмса?

В стороне я увидел еще одну небольшую группу, также наблюдавшую за французом. Четверо мужчин, трое довольно высоких, атлетического телосложения, и один небольшого роста, совсем худой. Было в них что-то странное. Кроме того, все они, будто священнослужители, носили полностью черную одежду, и от них почему-то веяло опасностью. Толпа вокруг смеялась и оживленно жестикулировала, но они оставались неестественно неподвижными, а их напитки – нетронутыми. Маленький человек, явно командовавший

остальными, напомнил мне свернувшегося калачиком кота, выжидавшего у мышиной норки.

Я хотел указать на них Холмсу, но он встал и, взяв наши напитки, пошел через зал к бару. Француз, не отрываясь от беседы, внимательно наблюдал за ним. Группа из четырех человек проследила его взгляд и тоже увидела Холмса. Выражение лица маленького человечка на миг изменилось и совсем не понравилось мне. Казалось, он узнал Холмса и даже больше. В переполненном зале, заполненном разгоряченной толпой, меня вдруг пробрал озноб.

Холмс вернулся с графином красного вина и двумя свежими бокалами.

– Холмс, вон те четверо мужчин, похоже, очень заинтересовались вашим присутствием здесь.

– Американцы. Да, я заметил.

Его реакция не должна была меня испугать, и все-таки испугала.

– Вы же говорите про странно одетых джентльменов в черном? – улыбнулся он. – Не совсем Гранд Тур²⁹, конечно. Но их больше интересует наш французский друг, а не я.

²⁹ Со времен эпохи Возрождения так называли обязательные поездки сыновей из знатных фамилий Европы (а позднее и из богатых буржуазных семей), совершаемые в образовательных целях. Длелись они иногда по несколько лет, и их маршрут обычно пролегал через Францию, Центральную Европу, Италию, Испанию. В более широком смысле «Гранд Тур» также означало образовательное путешествие и более старших представителей указанных слоев европейского общества. – *Примеч. пер.*

– И все же они, кажется, узнали вас. Вернее, узнал тот, маленький.

– Прискорбно, – ответил Холмс. – Это может слегка изменить наши планы. – Он на мгновение задумался. – Если возникнут проблемы или я подам вам сигнал, проводите нашу клиентку отсюда в безопасное место – в любое место, кроме ее квартиры. Вы поняли меня?

– Разумеется, я понял вас, – раздраженно ответил я. – А что, по-вашему, может произойти?

Но прежде, чем он успел ответить, наш разговор заглушила громкая музыка маленького оркестра.

По залу пронесся шелест предвкушения, и на сцену вышла наша клиентка.

Часть третья. Линии проведены

Искусство, как и мораль, состоит в том, чтобы где-то провести линию.

Г. К. Честертон

Глава 7. Напали!

Если сегодня днем она была прекрасна, то теперь превратилась в богиню! Вся в красном, мадемуазель Ла Виктоуар в образе Шери Чериз просто сияла, ниспадающие огненно-рыжие локоны были собраны в небрежный пучок на макушке, что очень подходило ей по стилю, а ее восхитительная грудь обещала наличие страстного сердца под белоснежной кожей. Она двигалась по сцене, словно плыла по воздуху, будоража воображение своей озорной улыбкой. Непревзойденная исполнительница, какой, несомненно, она была, затмила все проявления ее тяжелой ситуации.

– Ватсон, вы разинули рот, – шепнул мне Холмс. Вполне возможно. Но, за исключением Холмса, все остальные реагировали так же.

По залу прокатилась волна единодушного крика: «Шери!». Наша клиентка, мадемуазель Эммелин Ла Виктоуар, безусловно, была звездой.

Оглядываясь назад, я понял, что все это время ожидал какого-то непристойного представления в стиле мюзик-холла, с шуршащими юбками и мелодией, которую не пели, а почти выкрикивали. Но как только заиграла музыка и артистка запела, голос, исходивший от этого прелестного создания, нельзя было назвать иначе, чем ангельским, такой он был парящий и чистый. От нее исходило сладостное томление, разрывавшее сердце.

Почти час я сидел как замороженный.

Когда она закончила песню о редкой тропической птице, преодолевшей много миль ради своего возлюбленного (а может, это была собака, я не уверен), я повернулся к своему другу... и обнаружил, что место, где минуту назад сидел Холмс, теперь занято грубым на вид простолудином, нос которого полыхал красным от выпитого.

Проклятье, куда он подевался? Оглядев зал, я заметил, что его знакомый француз тоже пропал без вести, как и люди в черном. Мне стало не по себе, и я поднялся. Холмса нигде не было видно. Как я ненавижу его скрытность!

В этот момент из-за кулис донеслись крики, затем оглушительный грохот. Наша клиентка замерла, и музыка смолкла. Дальше события развивались настолько стремительно, что я едва могу пересказать их.

На фоне светящегося экрана Театра д'Омбр маленькие куклы были затенены искаженными силуэтами двух мужчин, сцепившихся в нешуточной схватке. Борющиеся фигуры би-

лись о промасленный холст.

Брызги какой-то темной жидкости широкой дугой разлетелись по экрану. Толпа ахнула. Послышался громкий звук разрыва, когда нож вспорол ткань. Лоскуты разорванного экрана свисали на сцену, предъявляя зрителям следы ярко-красной крови!

Я вскочил и стал пробираться сквозь толпу к мадемуазель Ла Виктоар. Какой-то мужчина вылетел через дыру в экране и приземлился на сцене, у ее ног. Из огнестрельной раны в его груди на несколько футов вверх бил фонтан алой артериальной крови. Мадемуазель пронзительно закричала.

Толпа подскочила как один человек и бросилась прочь от сцены. Бурлящая людская масса на несколько мгновений загородила нашу клиентку от моего взгляда. Прилагая все усилия, я продолжал проталкиваться против человеческого потока. Добравшись наконец до рабочего сцены, лежащего на деревянном настиле, я сразу понял, что его рана смертельна. Я огляделся, но мадемуазель Ла Виктоар исчезла. Оставив умирающего на руках коллеги, я бросился за кулисы.

Хаос! В темном помещении, освещенном ярким лучом белого света, направленного на обратную сторону экрана, борющиеся фигуры колотили друг друга посреди больших деревянных рам на колесах.

Свет прожектора ослеплял.

– Мадемуазель! – крикнул я, прикрывая рукой глаза.

Ничего, кроме криков. Рядом со мной на пол упал кероси-

новый фонарь, и я отскочил в сторону. Раздался небольшой взрыв. Комната погрузилась во тьму, а у моих ног вспыхнуло пламя. Крики стали громче, когда несколько работников бросились тушить пожар.

И тут я услышал голос мадемуазель Ла Виктоуар:

– Жан!

Двустворчатая дверь за сценой распахнулась во внутренний дворик, тускло освещенный единственным уличным фонарем. И дерущиеся переместились туда. Вымощенная булыжником земля поблескивала черным льдом, и на его слишком гладкой поверхности сцепившиеся в драке люди поскальзывались и балансировали, падая с резкими криками боли.

Я узнал таинственного знакомого Холмса и двоих мужчин в черном, которых видел в зале. Вытащив револьвер, я бросился к ним.

В круг света из-за кулис выбежала мадемуазель Ла Виктоуар. Со всего размаху она обрушила большую вазу на одного из мужчин в черном. Ваза скользнула по его плечу. Развернувшись, он хмыкнул и схватил нашу клиентку за запястье. Она закричала.

Головорез, чья лысая голова поблескивала в свете фонаря, приставив к ее боку нож, прижал женщину к стене соседнего здания, в то время как высокий француз продолжал сражаться с его напарником.

– Сука! – прорычал лысый негодяй, поднося нож к ее ли-

цу. – Да за такое я порежу тебя на ремешки – мало не покажется!

Американец? Я прицелился, но четкого выстрела не получилось. Сунув пистолет в карман, я бросился вперед как раз в тот момент, когда француз уложил своего рыжеволосого противника и тоже поспешил леди на помощь. Мы оба подскочили к мужчине с ножом, и, будто по сценарию, француз выбил оружие из руки негодя, а я нанес ему удар прямо по почкам. Лысый в черном упал на землю, а его нож улетел в темноту.

Двое были ранены. Но за столом-то сидели четверо.

– Жан! – воскликнула мадемуазель Ла Виктуар, бросаясь в объятия француза.

– *Allez-y!*³⁰ – крикнул он, отталкивая ее. – *Бегите!*

Она помедлила. В это мгновение напавший на нее лысый, словно Лазарь, поднялся с земли и в мгновение ока отбросил меня на стену. Между нами завязалась драка, а в это время второй, собравшись с силами, напал на француза.

Вчетвером мы скользили, будто пьяные, по льду, едва удерживаясь на ногах. Мой револьвер выпал из кармана и отлетел в темноту.

Пока я боролся со своим противником, третий мужчина схватил мадемуазель Ла Виктуар и отвесил ей сильную пощечину.

Разъяренный, я попытался вырваться, но противник не

³⁰ За дело! (франц.)

упустил свой шанс. Я отвлекся буквально на секунду, и он перехватил инициативу и принялся душить меня сзади. Я начал задыхаться.

Именно тогда четвертый – маленький человечек в черном, которого я еще раньше определил как командира, – вышел на свет. Мои шансы ухудшились. Подбежав ко мне, он с силой ударил меня в живот. У меня подогнулись колени.

Он вытащил длинный стилет, сверкнувший в тусклом свете, как смертоносная сосулька. Душивший меня мужчина изменил хватку и запрокинул мою голову назад, удерживая за волосы. Человечек медленно поднес стилет к моему горлу и принялся поглаживать кожу плоской стороной ножа.

Странный жест, будто у хирурга, очищающего кожу карболкой, перед тем как сделать разрез. Время замедлилось.

Глаза-бусинки делали его бледное лицо странно похожим на крысиное.

– Опасный умирает первым, – сказал он. Острие ножа прокололо кожу. По шее потекла теплая струйка крови, и мне показалось, что это конец. Я закрыл глаза.

Но француз одержал победу, и внезапно Крыса отлетел в сторону!

Улучив момент, я дернул своего душителя, и он потерял равновесие. Я смутно осознавал, что где-то рядом сражается француз, но сбросить противника у меня не хватало сил, а его удушающий захват стал только сильнее. Я упал на колени, почти теряя сознание.

Мы были в меньшинстве.

Крыса поднялся на ноги и снова бросился в атаку. Но резкий треск чего-то твердого по костям заставил маленького человечка споткнуться передо мной с пронзительным воплем ярости. словно цирковой акробат, он ловко удержался на ногах, избежав падения, и тут же развернулся лицом к напавшему на него.

В свете уличного фонаря он увидел высокую фигуру в пальто, размахивающую тростью. Это был Шерлок Холмс!

Наши шансы сразу улучшились.

Я ударил своего противника локтем в живот. Он ослабил хватку и отшатнулся назад. Я развернулся к нему; сцепившись, мы заскользили по льду и, наконец, упали на землю.

– Ватсон, пистолет! – долетел до меня сквозь шум схватки голос Холмса.

– Потерял! – крикнул я. – Где же вы были?

Мельком я заметил Крысу, который теперь сражался с французом, а двое других наступали на мадемуазель Ла Вигтуар.

– Занята! – крикнул Холмс, бросаясь ей на помощь.

Краем глаза я видел, как он дерется с двумя противниками, держа трость обеими руками перед собой, как тренированный боец-одиночник, каким он, собственно, и был. Он взмахнул тростью над головой, а затем обрушил на мужчин перед ним серию быстрых ударов.

Мой противник набросился на меня сверху, и пока мы бо-

ролись, я слышал глухие удары, щедро раздаваемые Холмсом, и крики тех, кому эти удары доставались.

Резким апперкотом я сбил с ног бандита, напавшего на меня, и обернулся посмотреть, не нужна ли помощь Холмсу. Один его противник уже лежал на земле, а поскольку мадемуазель Ла Виктуар пряталась за спиной Холмса, он аккуратно свалил ударом по ногам и второго противника.

Затем, взяв леди за руку, он потащил ее в темноту.

«Куда?» – промелькнула у меня мысль.

В другой части маленького дворика Крыса, наступавший на француза, тоже заметил исчезновение Холмса и актрисы, но не последовал за ними. Вместо этого он выругался и с разворота нанес удар моему рослому союзнику. Вскрикнув, француз упал, и Крыса прыгнул на него.

Не раздумывая, я бросился к ним, и несколько секунд француз, Крыса и я катались, словно мраморные шарики, по обледенелым булыжникам. Мне удалось нанести нашему противнику резкий удар в ключицу, он охнул, отцепился от нас и поднялся на ноги.

Француз лежал неподвижно. Я был предоставлен себе!

Крыса мельком взглянул на моего таинственного союзника. Мертв? Он рявкнул короткую команду, и трое его соратников – двое сбитые Холмсом и третий, пытавшийся им помочь встать на ноги, – замерли и посмотрели на него. Затем все четверо исчезли в темноте.

Я помедлил, ожидая нового нападения. Тишина.

С земли донесся вздох.

– Уф! *Enfin, c'est fini!*³¹ – пробормотал француз. Он встал, чуть заметно морщась, и принялся отряхивать свой элегантный костюм.

Я тяжело дышал, совершенно измученный. Да что вообще здесь такое произошло?

Я пощупал шею; из раны все еще сочилась кровь. Прижав к порезу носовой платок, я посмотрел на француза. Он держался за плечо, и по его лицу было видно, что он испытывает сильную боль.

– С вами все в порядке? Я врач.

Он бросил на меня взгляд, которого я не понял. Чувство вины? Смущение? И тут же дерзкая усмешка.

– Мне никогда не было лучше, чем сейчас, – заявил он, выпрямляясь и стряхивая с себя боль, как человек стряхивает в жаркий день капли пота. Я впервые обратил внимание на его рост. Он был по меньшей мере на два дюйма выше Холмса и фунтов на пятьдесят тяжелее, что вряд ли типично для француза. А француз ли он на самом деле? Оглядевшись, он небрежным жестом подобрал цилиндр, потерянный в ходе сражения, и немного косо водрузил его на место.

Мои сомнения рассеялись; он определенно был французом.

– Жан Видок, – представился он. – А вы, должно быть, доктор Ватсон.

³¹ Наконец-то, все кончено! (франц.)

– Откуда вам известно мое имя?

– Хорошо деретесь, доктор, – сказал он, все еще улыбаясь. – Рана серьезная? – Хотя его слова звучали дружелюбно, в них чувствовалась скрытая насмешка.

– Нет, благодарю вас, – сухо ответил я.

Я огляделся по сторонам: ни мадемуазель Ла Виктоуар, ни Холмса.

Француз тоже обратил на это внимание.

– *Merde!*³² Где Холмс спрятал ее?

– Откуда вы знаете нас?

В этот момент Холмс вышел на свет, один, с моими пальто и шляпой в руках.

– Хорошая работа, Ватсон, – сказал он. – Доктор, ваша шея!

– Все в порядке. – Я отнял носовой платок. Рана еще немного кровоточила, совсем чуть-чуть. И я снова зажал ее платком.

– А если...? – В его голосе слышалось беспокойство.

– Все будет хорошо. Небольшая царапина.

– Вам повезло, – с облегчением заметил Холмс.

По мере того, как мое дыхание восстанавливалось, меня начал пробирать озноб. Я был измучен и сбит с толку. Холмс и француз явно знали друг друга, а больше я ничего не понял. Взяв у Холмса пальто и шляпу, я надел их и достал из карманов перчатки.

³² Вот дерьмо! (франц.)

– Где Шери? – требовательно спросил француз.

– Не так-то просто поймать кэб в такое время, – с улыбкой ответил Холмс. – Сейчас мадемуазель Ла Виктоуар на пути в безопасное место.

– Вы ушли, чтобы поймать кэб? – спросил я.

– В *какое* безопасное место? – снова потребовал ответа Видок.

– К одному другу, которому я доверяю, – ответил Холмс, изучающе глядя на нашего товарища по бою. – Вижу, Видок, плечо вам все-таки задела. Не ожидали такого мастерства от человечка со стилетом, да? Очевидно, профессионал.

– Блестящая дедукция, – усмехнулся француз.

– И ваша большая удача, что здесь оказались мы, – невозмутимо парировал Холмс. Он взял меня за руку. – Теперь *мы* позаботимся о леди. – Он улыбнулся Видоку. – А вы можете заняться своим более неотложным делом. И покажите ваше плечо доктору.

Я услышал, как француз презрительно фыркнул, когда мы уже повернулись, чтобы уйти.

– Я знаю всех ее друзей! – крикнул нам вдогонку человек по имени Жан Видок.

– И вот это очень плохо, – чуть слышно проговорил Холмс, когда тот уже не слышал нас.

Глава 8. Скользящий склон

Холмс буквально тащил меня по обледенелым улицам. Холмистая местность и скользкие от мороза бульжники затрудняли передвижение, а днем еще прошел дождь. Я изо всех сил старался не отставать от своего длинноногого товарища. Куда именно мы направлялись?

Он остановился на перекрестке с улицей Лепик, и я воспользовался моментом.

– Дайте немного отдышаться. И объясните же, что происходит!

– Не сейчас, Ватсон, нам надо добраться раньше Видока.

– Добраться куда? Кто этот человек и откуда вы его знаете?

– Он детектив, утверждает, что приходится правнуком знаменитому Эжену Видоку, который в начале века основал «Сюрте»³³. Идемте!

– Точно! Он еще стал прообразом Жана Вальжана из «Отверженных».

– Нам сейчас как раз не хватает урока литературы! – отрезал Холмс и стал подниматься вверх по склону еще быстрее.

³³ «Сюрте» (от фр. *Sûreté* – безопасность) – особая бригада парижской полиции, набранная в 1811 г. из бывших уголовников Э.-Ф. Видоком; на протяжении последующих 150 лет – сокращенное разговорное название различных спецслужб Франции; прекратила свое существование в 1969 г. – *Примеч. пер.*

– Но с ним же что-то было не так, да? – Я едва поспевал за ним, и от быстрой ходьбы у меня началась одышка.

– Тот Видок был не только законником, но и преступником – фальсификатором и убийцей, это и стало для него ловушкой. Быстрее! Женившись, вы потеряли форму!

– Но этот Жан Видок, сегодня вечером, он его родственник?

– Нет. В архивах нет никаких записей о его потомках. Вы можете идти быстрее или мне бросить вас, как умирающего на льдине эскимоса?

Мы с трудом поднялись на холм. Вокруг покосившиеся здания всех размеров наклонялись под такими углами, что чуть ли не падали; они напоминали поддерживавших друг друга пьяниц, которые возвращались из паба. Между домами теснились фруктовые деревья и небольшие огороды, а справа от нас виднелись жуткие тени кладбища. Улицы становились все круче и коварнее; наше дыхание вырывалось белыми клубами.

– Откуда вы знаете этого человека? – не сдавался я, едва переводя дух.

– В прошлом году мы вместе работали над одним делом в Ницце. Он достаточно умен, но доверять ему не стоит.

– У него, определенно, есть свой стиль, – отметил я.

– Блестяще, Ватсон. Еще он довольно ревниво относится ко мне. Пожалуйста, поторопитесь.

Он свернул с улицы Лепик, откуда начинался следующий

подъем. Я схватил его за рукав, пытаюсь притормозить, и мы оба чуть не упали, поскользнувшись на обледенелой земле. Скорее всего, от усталости, я вдруг рассмеялся.

– Ватсон, да что с вами такое!

– Не успеваю за вами! – ответил я, останавливаясь. – Подождите! Теперь я вспоминаю... Этот Видок... Я читал... Разве не ему поручено вернуть украденную в Марселе статую Ники? О которой вы рассказывали мне?

– Да, ему. Все газеты писали об этом.

– И какое отношение он имеет к нашей клиентке?

– Не пройдет и часа, мы все узнаем. Как шея?

Я отнял от ранки носовой платок.

– Кровотечение прекратилось.

– Идемте же!

Мы продолжили подниматься на холм, холодный воздух обжигал легкие. Картина немного прояснилась.

– В Марселе убили четырех человек, – рассуждал я. – Стилетом, я так полагаю. А сегодня вечером этот коротышка с крысиным лицом...

– Блестяще, Ватсон. Разумеется, его рук дело.

– Но вас вызвали, как вы сказали, по делу Ники...

– Да, и я отказался.

Холмс повернулся, чтобы идти дальше.

– Но вы *определенно* занимаетесь этим делом? Мне кажется...

– Я же сказал, нет.

Ведь договорился же Холмс о консультации с экспертом по Нике в Лувре! Мое разочарование его скрытностью взяло верх, и я остановился как вкопанный.

– Если хотите, чтобы наше сотрудничество продолжалось, вы должны рассказать мне, что происходит! – крикнул я. Звук эхом разнесся по пустой улице.

Окно над нами открылось, и в нескольких футах от нас полились помои. Мы оба инстинктивно отскочили.

– *Fermez les gueules!*³⁴ – крикнул кто-то над нами и захлопнул окно. Теперь рассмеялся Холмс. Он схватил меня за руку и потащил вверх по крутому подъему. Мы прибавили шагу.

– Ладно. Не исключаю, что эти дела связаны, – признал он.

– Прекрасно, – выдохнул я, – но вы говорили, что мисс Ла Виктуар отправилась в безопасное место. Разве нельзя вернуться к этому делу утром?

– Нет.

– Почему нет? Отпустите мою руку.

– Я должен поговорить с мадемуазель Ла Виктуар сегодня вечером. Там скоро появится Видок и вмешается.

– Холмс, этот человек в самом деле спас мне жизнь. Он не может быть таким уж плохим.

Холмс вздохнул.

– Я хорошо знаю Видока. Сейчас больше всего на свете он хочет, чтобы мы вернулись в Лондон. Бойтся, что я пере-

³⁴ Заткнитесь там! (франц.)

хвачу его дело.

– А вы, похоже, беспокоитесь, что он перехватит ваше, – вырвалось у меня. – Идите вперед. Какой адрес?

– На углу поверните направо и пройдите еще два квартала, улица Коленкур, 21.

– Встретимся там.

– Отлично! Да, и еще, Ватсон, мой дорогой друг, именно Видок столкнул вас с лестницы в Лувре. Возможно, вы и сами захотите поговорить с ним.

Холмс слишком хорошо знал меня. Я перешел на бег.

Глава 9. L'Artiste en Danger³⁵

Вскоре мы добрались до роскошного здания с изящным портиком и богато украшенной решеткой, на углу элегантных улиц Турлак и Коленкур. Когда в прихожей квартиры на четвертом этаже горничная принимала наши пальто и шляпы, я заметил бархатный плащ мадемуазель Ла Виктоуар, цилиндр и накидку Видока, висевшие на соседних крючках.

Соперник Холмса добрался раньше нас. Во мне бурлило желание посчитаться с этим Видоком. Но дело, разумеется, прежде всего.

Нас провели в гостиную и оставили одних. Вокруг, в ярко освещенной комнате, находились самые странные диковинки, какие только можно вообразить, – настоящий цирк чудес: костюмы, трапеция, разрисованные задники, ванна, японские гравюры, театральные светильники, кальян и многое другое... а также мольберт художника, холст и краски, занявшие целый угол.

Алиса в кроличьей норе чувствовала себя менее неуместно, чем я в этом окружении в тот момент.

В комнате никого не было, и в большом камине, сдвинутом немного в сторону, ревел огонь. Мы стояли около камина, ожидая, что кто-нибудь выйдет к нам.

– Мадемуазель? – громко позвал Холмс.

³⁵ Артистка в опасности (франц.).

Вместо этого в комнату неуверенной походкой вошел маленький человечек, похожий на карлика, странно одетый в шелковую пижаму и китайскую шляпу. Он был восхитительно уродлив и в то же время очарователен – пухлые губы, большие темные глаза и пенсне. Он определенно обладал утонченным чувством собственного достоинства, несмотря на то что был сильно пьян.

– Добро пожаловать, друзья! *Bienvenue!*³⁶ – сказал он по-английски с сильным французским акцентом. – Мы ждем вас, месье Холмс!

– Месье Тулуз-Лотрек³⁷

³⁶ Добро пожаловать! (*франц.*)

³⁷ Граф Анри Мари Раймон де Тулуз-Лотрек-Монфа (1864–1901) – французский художник-постимпрессионист из графского рода Тулуз-Лотреков. В детстве он получил несколько травм, в результате которых его ноги перестали расти, и его рост во взрослом возрасте составлял 152 см. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.